

Ревнивая печаль

Автор:

[Анна Берсенева](#)

Ревнивая печаль

Анна Берсенева

Слабости сильной женщины #2

В сказке все превратности судьбы заканчиваются для влюбленных после свадьбы. В жизни – Лера Вологодина понимает, что не знала настоящих трудностей, пока не стала женой любимого и любящего ее человека. Оказывается, прежде ей было неизвестно, что такое ревность... Это чувство кажется мучительным не только преуспевающей бизнес-леди Лере – перед разрушительной силой ревности не могут устоять ни музыкант с мировым именем, ни обаятельный бандит...

Анна Берсенева

Ревнивая печаль

Часть первая

Глава 1

Лера слушала шум весеннего дождя как тихое обещание.

Ночные московские огни тонули в мокром асфальте как в реке, манили и успокаивали. Лера ехала домой, мартовский ветер врывается в приоткрытое окно машины, и усталость становилась тишиной.

Устала она так, что собственные руки казались ей тяжелыми, не говоря уже о ногах: те и вовсе гудели, как провода, хотя всю дорогу из Берлина, сбросив туфли, она прижимала горячие ступни к какой-то прохладной железке под самолетным креслом.

Лера возвращалась домой на день раньше, чем должна была приехать – тридцатого марта, в день своего рождения, – и никто не знал, что она уже в Москве, и Митя не знал. И в этом была радость возвращения: она увидит Митю сегодня, сейчас, и не будет еще одного пустого дня.

Все дни без него втайне казались ей пустыми, хотя никто, конечно, этого не замечал.

– Не быстро еду, Валерия Викторовна? – спросил шофер Павел, поглядывая на нее в зеркальце дальнего вида. – Дождь какой в этом году ранний, а? Прошлый март еще снег не сошел.

– Не быстро, Паша, – улыбнулась Лера. – Соскучилась, домой хочу.

– Хорошо, – удовлетворенно кивнул Павел. – А то Жозефина Ивановна возмущается: гоняешь, мол, и при чем тут, мол, твоя квалификация.

Паша был молод, словоохотлив, и Леру всегда смешил его рассудительный тон и то, что он старался говорить басом. Ездил он действительно лихо, Зоська возмущалась не напрасно. Но Лера и сама лихо ездила при случае, поэтому ничего против Пашиной скорости не имела.

Она радовалась каждому повороту улиц, приближавшему ее к дому. Тверская, Садовая-Триумфальная, Каретный Ряд, Трубная, Петровский бульвар – Неглинка,

сердце заходится! Как будто ей не тридцать лет, а одиннадцать, и она впервые возвращается домой из пионерского лагеря и чувствует, как в счастливом восторге забываются летние дни со всем их незамысловатым весельем и остается только одно счастье: домой, к себе домой, на любимую свою, единственную улицу!

Окна Митиной квартиры были темны, а напротив, в маминых, светились изнутри неплотные шторы.

– Подожди, Паша, – сказала Лера, выходя из машины и с удовольствием ощущая сквозь тонкие подошвы холодный, мокрый асфальт. – Узнаю, что там дома, потом поедешь.

Она тысячу раз, наверное, вот так выходила из машины в своем дворе, из дальних странствий воротясь, – и каждый раз это было словно впервые. И по лестнице взбегала впервые, и всегда руки вздрагивали, когда ключ поворачивался в замке...

Надежда Сергеевна не спала и, как ни старалась Лера войти бесшумно, сразу вышла ей навстречу в прихожую.

– Лерочка! Что же не предупредила? А я тесто поставила на завтра, пирожки собиралась с грибами...

И мама была как всегда: радовалась, что ее Лерочка вернулась, и тут же переживала о пирожках. А Лера просто радовалась.

– Не спишь, мама, почему? – спросила она, целуя Надежду Сергеевну. – Голова болит?

Головные боли повторялись в последнее время все чаще, это Леру тревожило, хотя Надежда Сергеевна считала, что в ее возрасте и с ее болячками удивляться уже не приходится – ходит понемножку, и слава богу.

– Нет, ничего сегодня, – покачала она головой. – Просто не спалось. Старческое, Лерочка. Да ты устала, наверное. Ванну налить?

– Ничего, я потом, мам. Как Аленка? А Митя где?

– Митя репетирует, и Аленочка с ним.

– С ним? – удивилась Лера. – Да ведь двенадцать уже!

– Я тоже беспокоюсь. Но он приехал часов в пять, перерыв у него был, а она: «Митя, хочу с тобой!» Ты же знаешь, какая она: что выдумала – не отговоришь, вся в тебя. Он и взял с собой. Я ему говорила, – словно оправдываясь, добавила Надежда Сергеевна. – Говорила: «Митенька, она мешать будет!» А он смеется, а сам уже о своем думает – и поехал с ней. Так на Елену Васильевну покойную стал похож, и глаза похожи, а взгляд совсем другой...

– Ты ложись, мама, хорошо? – попросила Лера. – Я за ними съезжу и вернусь.

– Он не в консерватории – в Ливнево сегодня. Далеко, Лерочка! Может быть, лучше позвонить, что ты приехала? – тут же встревожилась Надежда Сергеевна.

– Ничего, я с шофером.

И, поцеловав мать, Лера вышла на лестницу, забыв на вешалке плащ.

Какое там – далеко! Берлин был недалеко, и Вена, и Рим, и любая точка света, откуда они приезжали, прилетали и приходили друг к другу. И уж конечно, недалеко было Волоколамское шоссе, с которого дорога поворачивала на Ливнево – усадьбу на северо-западе Москвы, где под высоким куполом старинного особняка звучала сейчас музыка, вызванная к жизни движениями Митиных рук.

С Пашиной лихостью, да почти пустыми улицами, доехали они за полчаса. Лера издалека увидела в конце аллеи, у самого дома, Митин темно-синий «Сааб», освещенный одиноким фонарем, и рядом оркестровый автобус.

– Езжай домой, Паша, – сказала она. – Спасибо, завтра подъедешь прямо в Петровские линии, к девяти.

– Может, подождать? – великодушно предложил Павел. – Чего там, довезу и обратно!

– Спокойной ночи, до завтра, – покачала головой Лера и пошла по аллее, все убыстряя шаг.

Она не передела туфли, и тонкие шпильки увязали в мокром песке, мешая идти. Капли ушедшего дождя падали с деревьев, тишина стояла в пустом парке, и окна особняка сияли в конце аллеи.

Лера любила музыку, но уж точно странную любовью – как может любить человек, сполна наделенный чуткостью к лучшим проявлениям жизни и начисто лишенный музыкальных способностей. Она стеснялась перед Митей своей музыкальной тупости, хотя он только улыбался и говорил:

– Ничего, подружка моя, мне достаточно того, что ты слушаешь, – остальное я сделаю сам.

И сейчас, стремительно идя по коридору к большому залу, она не узнавала, что за мелодия доносится из-за неплотно прикрытой двери. Но сейчас ей это было все равно. В неудержимом потоке звуков она чувствовала Митину страсть, и это было больше, чем угаданное название.

Привстав на цыпочки, чтобы не стучали каблуки, Лера проскользнула в приоткрытую дверь, тихо прошла вдоль стены полутемного зала и остановилась справа от сцены. Она попала в самую паузу, Митя как раз что-то говорил оркестрантам. Что-то у него не ладилось, наверное: Лера увидела, как он сердито положил дирижерскую палочку на пульт и снова поднял руки.

– Точнее, прошу вас, – сказал он. – Последний раз попробуем – и все на сегодня. Но – слушайте, весь звук слушайте, постарайтесь почувствовать этот купол!

И музыка зазвучала снова, подхватывая и тревожа Лерину душу. Лера смотрела на Митино лицо, освещенное снизу неяркой лампочкой у пульта, на его руки, взлетающие из света и кажущиеся огромными там, в угасающем сиянии. К этому невозможно было привыкнуть – к его рукам, к глазам его с таинственными уголками, скрытыми прямыми ресницами...

Лера вспомнила вдруг, как почувствовала однажды – вот так же, на Митином концерте – пугающую силу звукового потока – неистовую, способную все снести на своем пути, как все сносят страшные потоки жизни... И как Митя остановил, руками остановил эту бурю, которую остановить было невозможно, и как она почувствовала, что ни одна сила над ним не властна. И все, что было потом, в первую их ночь... Всего год назад!

Она не сразу расслышала, что оркестр уже перестал играть: так долго звучала мелодия где-то под круглым потолком с полустершейся росписью.

– Спасибо всем, до завтра! – сказал Митя, и музыканты тут же заговорили, задвигались; зал, в котором только что звучала музыка, наполнился их усталыми голосами.

Лера ждала, когда он обернется. Она никогда не знала, как это будет: как он обернется, какие у него будут глаза, что он скажет ей и что будет дальше. Это каждый раз происходило по-новому. Лера и музыку чувствовала именно так: могла три раза слышать какую-нибудь вещь – и все равно не узнать с четвертого. И Митю она не узнавала точно так же, хотя его-то она знала с самого детства – но сердце у нее замирало. Она только знала, что он еще немного постоит вот так, не двигаясь, в молчании, словно продолжая прислушиваться к чему-то.

И конечно, она пропустила то мгновение, когда он обернулся, и увидела только, как просияли его глаза, даже в полумраке плохо освещенного зала.

– Лера... – сказал Митя.

Это невозможно было ни объяснить, ни даже повторить, как он произнес ее имя и как тут же коснулся ее руки – именно тут же, хотя они стояли совсем не рядом.

Они помолчали секунду, глядя друг на друга, и рассмеялись – потому что им обоим хотелось поцеловаться и обоим неловко было целоваться на глазах всего оркестра.

– Потом, – сказал Митя. – Дай на улицу выйти только, подружка!..

Он всегда ее так называл – с тех самых пор, когда она, десятилетняя, сказала: «Я же твоя подружка, правда?» – и он засмеялся ее словам. Лера привыкла, что он так ее называет, хотя она не подружка ему была теперь, а жена. Но к этому она как раз не могла привыкнуть.

– Мить, а Аленка где же? – спросила она, оглядываясь.

– Да вон она, спит. – Митя кивнул в противоположный угол зала.

Они подошли к сдвинутым дерматиновым креслам, на которых спала Аленка. Теперь, в пять лет, она спала уже не так смешно и трогательно, как раньше – на животе, поджав под себя ножки, – а почти как взрослая, разметавшись во сне на тесных креслах. Только рот был приоткрыт по-детски и прядь светлых волос зажата в кулачке.

Митин плащ, которым она была укрыта, сполз на пол, а его пуловер был свернут и подложен ей под голову.

– Зачем ты ее капризам потакаешь, Митя? – шепотом сказала Лера. – Представляю, что она здесь вытворяла!

– Не представляешь. Сидела, слушала, рот открыв, потом уснула, и мы ее уложили.

– Под оркестр уснула? – удивилась Лера. – А мама на цыпочках ходит, когда она ложится!

– Ну, сегодня было не слишком громко, – улыбнулся Митя. – Струнная группа. Ей понравилось, по-моему. А я так мало ее вижу, Лер, и подумал: пусть уж слушает...

– Пусть, – сказала Лера, на мгновение прижимаясь щекой к его плечу. – Пойдем, Митя.

Зал был уже пуст, они выходили последними. Оркестранты усаживались в автобус, смеялись, переговаривались. Митя положил завернутую в плащ Аленку на заднее сиденье машины.

– Видишь, даже не проснулась, – сказал он. – погоди, сейчас поедем – посмотрю только на тебя...

Он стоял у кабины с водительской стороны, а Лера – с противоположной, и они смотрели друг на друга над синей крышей машины, в тусклом свете фонаря над крыльцом. Лера видела, как вспыхивают в его глазах затихшие мелодии и как взгляд его пробивается к ней через эти властные отзвуки.

– Не можешь вернуться, Мить? – спросила она наконец.

Митя улыбнулся.

– Все! Одной любви музыка уступает.

– Но и любовь мелодия? – рассмеялась Лера. – Поехали, пушкинист. Давай-ка лучше я – за руль. А то гаишник какой-нибудь тебя за пьяного примет!

– Нет, наоборот, – покачал головой Митя. – Машина – вернее водки, я же тебе говорил: все звуки затихают. Это даже, кажется, научно как-то объясняется – какие-то нервные цепи переключаются... Рахманинов тоже любил сам ездить.

– От скромности ты, Митенька, точно не умрешь! – снова засмеялась Лера.

Они сели в машину, но долго еще не трогались с места: целовались до потемнения в глазах.

– Поедем, Мить! – первой спохватилась Лера, на секунду отрываясь от его губ. – А то мы вообще здесь останемся до утра.

Дождь снова начался, но теперь он стоял серебряной воздушной пылью меж деревьев, в свете фар, пока машина ехала по широкой центральной аллее.

– Гробим парк, – сказал Митя. – Нельзя сюда на машинах. Да все равно...

Лера знала, что – все равно. Старинный парк усадьбы Ливнево был заброшен и запущен до крайности. Даже забора не было, только кое-где висели на столбах какие-то обломки. Въезжал и входил сюда кто угодно в любое время суток. И

действительно ничего нельзя было сделать. Деньги на то, чтобы привести все это в порядок, нужны были такие, которые от управления культуры, даже сравнительно богатого московского, получить было просто невозможно. Во всяком случае, это невозможно было сделать за те два месяца, которые Ливнево считалось отданным Митиному оркестру и будущему оперному театру. Уже и то было хорошо, что особняк, до недавних пор принадлежавший театральному союзу, не развалился, и в большом зале даже можно было репетировать.

Машина выехала на Ленинградский проспект. Повторялся Лерин сегодняшней маршрут, но теперь она чувствовала себя совсем по-другому, чем несколько часов назад, когда ехала одна. Она даже в окно не смотрела – только на Митино лицо, освещенное разноцветными уличными огнями.

Она чувствовала, что и Мите тоже хочется смотреть на нее; он то и дело поворачивал голову.

– На дорогу, Митька, на дорогу! – засмеялась Лера. – Сейчас врежемся в столб – и вся любовь. Я тебя лучше за руку буду держать, – добавила она, кладя свою руку на его, лежащую на руле. – Вот чем автоматическая коробка хороша: рука у тебя свободна!

Митя всегда водил машину так, что Лера этого не замечала. Прежде она удивлялась точности его движений, его неощутимому умению выбрать именно то действие, которое было нужно на головокружительных московских улицах, – а потом перестала обращать на это внимание, потому что он все делал так.

Руки у него были большие, как у его отца, – с широкими ладонями и словно набрякшими суставами. Лере Митины руки всегда казались усталыми. Даже странно, как они могут быть такими от невесомой скрипки? Но ничто не могло сравниться с чуткостью его пальцев...

– Слушай, а куда это мы едем? – вдруг спохватилась она, увидев в окно дома-«книжки» Нового Арбата. – Не домой?

– Домой, домой, – успокоил Митя. – Задержимся на пять минут.

Он остановил машину, хлопнул дверцей и тут же скрылся в прозрачном магазине с надписью «Галерея» над входом.

Вернулся он действительно через пять минут и, открыв Лерину дверцу, положил ей на колени букет чудесно подобранных цветов – сиреневых, розовых, лимонных тюльпанов. Тюльпаны пахли свежо и тонко, и Лере показалось, что они светятся в обрамлении прозрачной зелени.

– Митя... – сказала она, опуская лицо в цветы. – А я думала, ты забыл про день рождения...

– По-моему, это ты забыла. Надо было сразу спросить: «А что ты, дорогой муж, мне подаришь?» – и мне стало бы стыдно. А так – я прекрасно отделался цветочками!

Он подсмеивался над ней, он любил над ней подсмеиваться.

– Мить, ты идеальный? – спросила Лера. – Про день рождения помнишь, цветы даришь...

– А тебе не все равно? – Он усмехнулся, но в его голосе Лере слышалась тревога. – Тебе не все равно, какой я?

– Все равно. А вдруг я тебе надоем?

– Не надоешь.

– Как скажешь! – засмеялась Лера.

Это она с детства знала, и не она одна – кажется, все в их дворе это знали: как Митя скажет, так и будет. Он не то чтобы угадывал – а вот именно становилось так, как он говорил. Никто даже не спрашивал, откуда что берется.

Лера вообще-то и не обиделась бы, если бы Митя забыл о дне ее рождения. Костя, первый ее муж, никогда об этом не помнил, и она не обижалась: понимала, что он занят своей биологией, высшей нервной деятельностью, улитками и опытами – и на что же обижаться? И ее удивляло, как это Митя все помнит. Особенно когда она видела его глаза, подернутые поволокой звуков...

Они свернули на Неглинную, проехали под длинной гулкой аркой и оказались наконец в своем дворе – как в тихой заводи.

– Смотри, мама так и не спит, – заметила Лера. – Я так беспокоюсь последнее время, ты знаешь? Она говорит, это просто старческая бессонница, но я не верю что-то...

– Я сейчас поднимусь, Аленку к ней отнесу, – сказал Митя. – Скорее всего, она просто волнуется, что нас долго нет. Ты иди пока ко мне, хорошо?

Они все время путались в этих «ко мне», «к тебе», «к нам». Невозможно было понять, кто где живет, невозможно было ни разделить, ни соединить привычность квартир, разделенных общим двором.

Глава 2

Лера никак не могла преодолеть то странное чувство, которое охватывало ее, когда она входила в Митину квартиру. Наверное, слишком много воспоминаний было связано с этим домом и слишком принадлежали они Елене Васильевне, чтобы Лера могла чувствовать его своим...

С того самого дня – больше двадцати лет назад, поверить невозможно! – как она впервые переступила этот порог, гладышевский дом казался ей храмом. Нигде не было таких картин, нигде так не звучали пианино и скрипка, нигде книги не высились так незыблемо, от пола до потолка.

Отсвет подлинности лежал здесь на всем, и Лера просто не в силах была его нарушить своим вторжением. Она даже заходить сюда боялась без Мити. И только он везде был самым собою – в консерватории, в Венеции, на лавочке посреди московского бульвара – всем равный и необъяснимый.

Митя вошел через десять минут после нее. Лера успела только сбросить наконец туфли, снова ощутив, как гудят ноги, и мельком взглянуть на себя в зеркало. Лицо усталое, уголки губ опущены вниз, глаза обведены едва заметными тенями, и янтарные искорки в них поэтому не светятся. Даже темно-золотые

волосы кажутся какими-то тусклыми.

«И походка, наверное, тоже... – подумала она. – Сейчас бы Митя не спел, что у меня походочка – как в море лодочка!»

Она ставила тюльпаны в прозрачную вазу, когда Митя обнял ее, войдя в спальню.

– Оставь цветы, – прошептал он. – Все оставь, милая, иди ко мне!.. Так по тебе скучал – в глазах темнело...

Она тоже так по нему скучала... Она даже не знала, правильно ли они называют это – не скука, нет, совсем другое: такая неразрывная тяга, от которой перехватывает дыхание.

Любовь дышала в нем как музыка, и так же подхватывала Леру, и так же защищала. Только она одна об этом знала – о том, какая страсть скрыта под обычной его сдержанностью, какими неудержимыми могут быть его руки, губы...

Она не успела включить в спальне свет, а Митя включил тут же, нащупал выключатель настольной лампы в темноте, не отрываясь от Леры.

– Еще посмотрю на тебя... – Голос у него стал чуть хриплым. – Любимая моя, посмотрю...

Лера не понимала, когда он успевает смотреть. Митя целовал ее, гладил, тут же расстегивая на ней блузку, и она отдавалась каждому движению его рук, каждому прикосновению его пальцев – и только вздрагивала, когда сильные токи, идущие от них, пронизывали ее тело.

Лера не узнавала себя, когда была с ним, – хотя вообще-то и не думала о себе в эти минуты. Она, с ее привычкой к действию, с ее постоянной жаждой осваивать жизнь и с детства оставшейся непоседливостью, – трепетала в Митиных объятиях и хотела только одного: чтобы он не размыкал их никогда.

Лера почувствовала, что он осторожно кладет ее на кровать, а сам стоит рядом на коленях и целует ее – все ее тело, – и дорожки поцелуев огнем загораются

под его губами.

Митины руки лежали на ее бедрах, и, вздрагивая, она приподнималась вместе с его ладонями – навстречу его губам, его прерывистому дыханию. Своей свесившейся с кровати рукою она проводила по его груди, чувствуя, как волосы щекочут ладонь, – когда он успел раздеться? – и как стремительно бьется его сердце.

Лера и в зрительном зале никогда не успевала уловить то мгновение, когда Митя оборачивался к ней, и теперь не успела заметить, когда он оказался рядом на кровати, прижался к ее горящему от его поцелуев телу и выдохнул:

– Единственная ты моя, даже ласкать тебя больше не могу – так люблю, так хочу...

И больше они не могли произнести ни слова, вместе сотрясаясь от той единственной силы, которая была сильнее их обоих.

Лера обнимала Митю за шею, снизу прижимая к нему и чувствуя, что он – уже в ней, уже вздрагивают его бедра, и весь он стремится в нее все глубже, и она со стоном изгибается под ним, чтобы их совсем ничего не разделяло.

– Подожди, немножко подожди, Митенька, – задыхаясь, просила она. – Сейчас все кончится, а мне так жаль...

– Не сейчас, не сейчас. – Его шепот ласкал ей висок. – Я чувствую, моя хорошая, подожду...

Он так разгорячил ее, что и ждать было не надо, она напрасно беспокоилась. Но ей так жаль было каждого мгновения – в каждое мгновение Митя был другой, никогда не повторяясь в любви, и каждое было поэтому драгоценно.

Митя так сильно обнял ее в ту самую секунду, когда в глазах у нее потемнело и все тело забилося в счастливых судорогах, – что Лера почувствовала: он действительно дождался ее, все у них происходит одновременно.

И когда они лежали не двигаясь, прислушиваясь к отзвукам любви в еще вздрагивающих своих телах, – Лере хотелось, чтобы длились и эти мгновения, потому что и они были – единственные, неповторимые.

– Мить, я так боюсь... – прошептала она, прикасаясь губами к его губам.

– Меня? – спросил он, и Лера почувствовала на его губах улыбку.

– Нет, не тебя – а что ты исчезнешь, этого боюсь...

– Куда же я исчезну, скажи, пожалуйста? Уеду – так ведь вернусь, куда я денусь!

– Нет, Митенька, нет – я не могу объяснить, – покачала головой Лера. – Ведь ты всегда был, понимаешь? Я тебя всегда знала, сто лет, видела тебя чуть не каждый день, разговаривала – и не с тобой была... Вот я теперь не понимаю, как же это могло быть, и мне поэтому страшно: а вдруг это будет опять? Ты никуда не уедешь – а будешь не со мной? Как когда на скрипке играешь или дирижируешь – у тебя такие глаза... Ты совсем без меня тогда!

– Не верти головой, подружка, я сейчас чихну от твоих волос, – сказал Митя, прикасаясь губами к Лериным золотящимся в полумраке волосам. – Что это у тебя за настроение такое элегическое? И кто тебе сказал, что я без тебя на скрипке играю? Вот я тебе сейчас, вместо того чтобы целоваться, преподам урок гармонии – будешь знать!

Теперь они лежали рядом, прижавшись друг к другу, и Лера проводила пальцем по Митиным губам, по тонкому изгибу его скул и стрелкам темных, прилипших ко лбу волос.

– Не исчезнешь? – спросила она. – Скажи, Митя!

– Не исчезну, – совершенно серьезно подтвердил он. – До того не исчезну, что даже за сигаретами не пойду. Ты знаешь, о чем я вспомнил в самый разгар твоих опасений? Что у меня осталась одна сигарета.

– А я сумку дома оставила! – вспомнила Лера. – И плащ тоже, и у меня, выходит, вообще ни одной!

– Да-а... – Митя протянул руку и достал зеленую пачку «Кента» из кармана лежащих на полу брюк. – Значит, сигарет – нет-нет, и монет – нет-нет, и кларнет – нет-нет, не звучит?..

Это была одна из тех песенок, которые Лера так любила в детстве и в юности и которые Митя всегда пел для нее под гитару. Про то, как брюнет стал седым-дым-дым и погиб от вина...

– Монеты-то как будто бы есть, – сказала Лера. – Но в киоск все равно не пойдем. И сердце твое молчит? – вспомнила она рифму к кларнету.

– Сердце мое не молчит, а спорит с рассудком, – ответил Митя. – Рассудок велит не давать тебе сигарету для твоей же пользы, а сердце велит с тобой поделиться – и я с ним ничего не могу поделать!

Он закурил, затянулся дымом и протянул Лере сигарету. Пока она курила, Митя смешил ее, чтобы меньше затягивалась: проводил пальцами по животу и дул за ухо – пока она наконец не рассмеялась и не вставила сигарету ему в зубы.

– Да, а подарок! – вдруг вспомнил он. – Подарок-то как раз кстати будет!

Он высвободил руку из-под Лериной головы и вынул из стоящего у кровати низкого комода какой-то поблескивающий предмет.

– Вредный подарок, но мне понравился, – сказал Митя, кладя его Лере на ладонь.

Это была маленькая старинная шкатулка – серебряная, круглая, с тонким узором по краю и прозрачным зелено-голубым камнем на крышке. Она легко и удобно умещалась в ладони, и держать ее было приятно.

– Почему же вредный? – удивилась Лера. – Очень красивая шкатулочка, Мить, спасибо! Я в нее кольцо положу.

– Да это же не шкатулка, – улыбнулся он. – Это пепельница такая, которую в кармане можно носить.

Он нажал на камень, и крошечная крышка тут же откинулась. Изнутри на ней была ложбинка для сигареты, и закрывалась пепельница так плотно, что ее действительно можно было прямо с двумя-тремя окурками – больше не помещалось – положить в карман или в косметичку.

– Надо же! – восхитилась Лера. – Ни за что бы не догадалась! Хитрый ты, Митька... – Она прижалась щекой к его плечу и снова положила его руку себе под голову. – Может, она и вредная, зато я ее уж точно всегда с собой буду носить и про тебя вспоминать.

Пепельницу она поставила Мите на живот, чтобы удобнее было стряхивать короткие столбики пепла от их единственной сигареты.

– Митя, ты представить себе не можешь, кого я встретила в Берлине! – вдруг вспомнила Лера и даже на кровати села от неожиданного волнения.

– Кого же? – спросил он.

– Андрея Майбороду! Ну, помнишь, я тебе рассказывала – директора моего бывшего, который с деньгами сбежал пять лет назад?

– А! – припомнил Митя. – Что ж, ты его благодарить теперь должна – за первоначальный импульс. Кто знает, как бы твоя жизнь без него повернулась?

Струйка дыма поднималась над Митиной головой к лепной розетке на высоком потолке. Лера не видела его глаз, только слышала голос – и в голосе было внимание. Она снова удивилась в душе – знала, что звуки, которые Митя слышит всегда, и сейчас живут в нем. И что ему до какого-то ее бывшего директора, до ее турагентства, бизнеса и вообще всего, что и самой ей кажется таким неважным, когда она смотрит в Митины глаза?..

– Что же он теперь делает в Берлине? – спросил Митя.

К финалу Берлинской туристической ярмарки Лере казалось, что она вот-вот упадет от усталости. Конечно, Лера приезжала сюда не впервые, но в этом году ей пришлось собраться и сосредоточиться как никогда прежде.

Когда-то, когда фирма «Московский гость» только начинала работать, конкурентов у нее почти не было. Отец-основатель фирмы Андрей Майборода на всю катушку использовал свои комсомольские связи, и туры у них были едва ли не самыми дешевыми в Москве. И даже когда в один прекрасный день Андрей исчез, оставив растерянными сотрудниками прощальную записку и не оставив ни рубля на счете, – положение можно было выправить, только взяться как следует. И Лера взялась – да так взялась, что вся ее жизнь круто повернулась. А что ей оставалось делать среди общей растерянности и уныния, воцарившихся в офисе в Петровских линиях?

Ей и теперь страшно было вспоминать те дни. Андреева записочка с предложением всем поискать работу по специальности, а специальность у нее – история искусств с незаконченной аспирантурой, итальянское Возрождение... Очень актуально для Москвы в разгар реформ, когда все мечется как в лихорадке, ужасаясь при виде ценников в магазинах!

До сих пор ей это снилось по ночам, и Лера просыпалась с колотящимся сердцем. Тогда, после исчезновения шефа, ей уже вспоминались стамбульские лавочки, Переделкинский рынок, бандит Гриша, «охраняющий» торговцев... И как он однажды, длинно сплевывая сквозь зубы, предложил ей натурой расплатиться за место, и неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы Гриша не пропал куда-то навсегда...

Исчезновение Андрея Майборода означало, что все это снова может стать ее жизнью. И когда – именно в тот момент, когда Костя ушел к лаборантке Люсе, а Лера была беременна и все плыло у нее в глазах от дикого токсикоза!

И что было бы с ней, если бы не удалось тогда, преодолевая тошноту и отчаяние, убедить Женьку Стрепета взять «Московского гостя» под крыло его банка?

Конечно, по сравнению с ужасом тех забот нынешние Лерины трудности – конкуренция на туристическом рынке, например, – выглядели просто детской забавой. Да и вся ее жизнь была теперь другой – Митя все в ней перевернул, все расставил по своим местам...

Но работы было много, и, подъезжая каждый день к сверкающему серебряному комплексу ярмарки, фрау Вологодина заставляла себя забыть обо всем, кроме предстоящих встреч, переговоров и контрактов.

Она давно уже привыкла к пестрому великолепию международных туристических мероприятий. Хотя, конечно, Берлинская ярмарка затмевала любую другую – грандиозностью ежедневного праздника и мгновенно возникающих возможностей.

Даже искушенная Лера каждый день замечала здесь что-то новое. То какие-то буквы лились прямо из небольшого водопада, и из них складывалось название фирмы, то какая-нибудь страна приглашала всех желающих поиграть в гольф на своей ярмарочной площадке, превращенной в поле с изумрудной травкой...

Лере, правда, больше всего понравились обыкновенные деревянные человечки, которых вырезал на глазах зрителей мастер возле одного из стендов. Она купила их штук десять – для Аленки, – и ни одно забавное деревянное личико не повторялось!

Ей надо было успеть по меньшей мере в пять мест одновременно, и она каким-то невероятным образом ухитрялась это делать. А как было выбрать, что важнее?

На Форуме путешествий впервые обсуждались туристские маршруты по России – именно то, чем Лера начала заниматься еще в ту пору, когда западные туристы, а с ними и московские агентства шарахались от России с ее путчами, рэкетирами и бандитами; теперь «Московскому гостю» не было равных во въездном туризме.

А на Форуме туристских экспертов как раз в это время говорили об Африке, и это тоже невозможно было пропустить. Африка почему-то входила в моду у русских, все желали сафари, бедуинов и прочей экзотики, но при этом со всеми удобствами и как можно дешевле.

Лера давно уже научилась разбираться, какую работу можно доверить сотрудникам – хоть, например, бессменному обаятельному лентяю Кириллу Старикову, приехавшему с ней в Берлин, – а чем надо заниматься только самой, забыв о рангах, чтобы потом не искать виноватых.

Если чем-то приходилось жертвовать, то, конечно, обедом, ограничиваясь чашкой кофе. Но походка при всем этом должна была оставаться такой же легкой, улыбка – такой же неотразимой, а запах духов – таким же таинственным...

– Валерия, дорогая, ты устала!

Александр Алексиадис, ее неизменный греческий партнер и друг, перехватил Леру по дороге к кенийскому стенду. За пять лет сотрудничества с Россией Алексиадис неплохо выучил русский и с удовольствием практиковался – даже здесь, в Берлине. А Кирюша Стариков охотно учил его то молодежному сленгу, то каким-нибудь особенно забористым матерным коленцам.

– С чего ты взял, Алик? – удивилась Лера. – Ты хочешь сказать, что я плохо выгляжу?

– Ты будешь хорошо выглядеть, даже если проведешь трое суток без сна и отдыха! – широко улыбнулся Алексиадис. – А говорю я потому, что Кирюша растрепал мне о кое-каких твоих достижениях на этой «мессе». И я понимаю, человек устал, если он столько поработал! Поэтому я хочу тебе предложить, Валерия: поручи Кению кому-нибудь другому, и пойдем в пресс-центр, выпьем кофе. Один бармен оказался соотечественником, он сварит то, что надо.

– Ладно, – согласилась Лера. – Но на полчаса, Алик. Ты же знаешь, как мне приятно болтать с тобой, но я хочу улететь завтра вечером, а не все можно оставить на Кирюшу.

Кофе, сваренный огненноглазым барменом-греком, действительно оказался «как надо». Лера с удовольствием дышала его паром над маленькой белой чашечкой.

– Не волнуйся, милая Валерия, – успокоил ее Алексиадис, – полчаса со мной – не самое бесполезное занятие. Знаешь, с кем я говорил только что?

– С кем? – спросила Лера, откидываясь на спинку кресла и с удовольствием ощущая блаженную свободу, которую всегда она чувствовала, разговаривая с Алексиадисом.

Он был человек моторный, в общении с ним не было ни капли напряжения, и они отлично понимали друг друга.

– С французами. Они занимаются международным школьным обменом и как раз сейчас ищут нового партнера. Они, конечно, не говорят, но я узнал стороной, – с

удовольствием ввернул красивый оборот Алексиадис, – что их московские партнеры недавно разорились и вся программа оказалась под угрозой. Одним словом, я порекомендовал им тебя. Ты довольна?

– Спасибо, Алик, – оживилась Лера. – Ты попал в самую точку, я и сама думала, что это было бы интересно – образовательные проекты. Но, по-моему, в Москве этим занимается достаточно фирм?

– О, они уже имели дело со многими и очень разочарованы! В Москве много интеллектуалов, которые могут составить хорошую программу, но не так много людей, желающих за что-то отвечать. Тем более за иностранных детей. Одним словом, вот их проспект. – Щегольски мелькнув подкладкой пиджака с фирменным знаком Армани, Алексиадис извлек из внутреннего кармана гляцевую страничку. – Посмотри и поговори с господином Вернье. Если, конечно, тебя это увлечет, – добавил он.

Алексиадис знал, в каком случае Лера станет заниматься любым делом, и она благодарно улыбнулась ему за понимание.

– Знаешь, что я вспомнил, рекомендуя им тебя? – вдруг спросил он. – Как ты потащила меня в Фермопилы, потому что тебе хотелось взглянуть на могилу царя Леонида. А была такая жара, что всякая другая женщина стремилась бы к морю или, в крайнем случае, в афинский магазин за шубой!

– Ты классику нашу читал? – улыбнулась Лера. – «Разве я – другие?» – так говорил один наш очень милый человек по имени Илья Ильич Обломов.

Из-за всех этих наплывающих друг на друга дел Лера даже по Берлину не успела пройти. Вообще-то она не очень любила Германию. То есть не то чтобы не любила – просто ей больше нравились южные, средиземноморские страны с их взрывным темпераментом, которым, казалось, пронизаны были сами улицы.

Но после всего этого сумасшедшего круговорота ей до оскотины хотелось побыть одной. Припарковать наконец взятый напрокат «Опель» и идти по улице пешком, никуда не торопиться, сворачивать в тихие переулки. И думать о Мите – представлять, что они идут по Берлину вдвоем...

Лера прошла под огромным воздушным шаром в виде глобуса, добралась наконец до выхода из выставочного комплекса и вздохнула с облегчением, предвкушая долгожданное одиночество.

Поэтому она вздрогнула и прибавила шагу, вдруг услышав, что кто-то окликает ее по имени. Но назойливый «кто-то» не отставал, и Лера резко обернулась, от усталости готовая послать его подальше.

На огромной площадке перед марсианским выставочным комплексом, в лучах весеннего берлинского солнца, стоял перед нею Андрей Майборода.

Он так переменялся, что Лера едва узнала его. Не изменилась только та редкостная «резидентская» невыразительность внешности, которая так бросилась ей в глаза еще при первом знакомстве. Но тогда, пять лет назад в Москве, это была какая-то располагающая, элегантная невыразительность. Теперь же Андрей выглядел так тускло, словно его посыпали пылью – несмотря на добротность его серого костюма в неизменную с московской поры «елочку».

– Андрей! – ахнула Лера, заслоняясь рукой от закатных лучей, чтобы удостовериться в том, что не ошиблась. – Ты что здесь делаешь?

– Да так как-то... – пожал плечами Майборода. – Приятель у меня здесь аккредитован, вот и я зашел. По старой памяти!

– Так ты теперь в Германии? – спросила Лера.

Неожиданно она почувствовала растерянность. Пока Андрей был ее шефом, отношения у них были доверительные и Лере казалось, что Андрей ничего, связанного с работой, от нее не скрывает. Да и она работала самозабвенно, не жалея ни времени, ни сил. Наверное, поэтому она так болезненно восприняла его внезапный побег.

«Мог бы хоть что-то мне объяснить! – думала она тогда. – Неужели я не поняла бы, если он действительно оказался в безвыходной ситуации?»

Но теперь перед нею стоял совершенно посторонний человек, и ни одно чувство не шевельнулось в ее душе – даже обида.

– В Германии, как видишь, – ответил Андрей. – Я знал, что тебя здесь встречу. У тебя есть время?

– Да вообще-то... – проговорила Лера. – Вообще-то я хотела отдохнуть. И я улетаю сегодня вечером...

– Может быть, поужинаем где-нибудь вместе? – предложил Майборода.

Лере очень хотелось отказаться: необъяснимая неловкость не отпускала ее. Но хотя он был ей никто, и не только по работе, – просто сказать «нет» она почему-то не могла.

– Хорошо, – с едва ощутимым вздохом кивнула она. – Поужинаем. Приглашай, Андрей, я Берлин плохо знаю.

– Мы вот как можем сделать, – говорил Майборода, пока они шли к стоянке машин возле выставки. – Ты ведь на арендованной, наверное? Так ты ее пока здесь оставь, потом я тебя сюда же и привезу. Или другой вариант: сейчас возвращаем твою машину, едем на моей, и я потом отвожу тебя в отель. Или еще можно...

– Это все равно, Андрей, – остановила его Лера. – Остановимся на первом варианте и не будем больше об этом думать.

Ей было скучно с ним – так скучно, что Лера даже удивилась: ей вообще редко бывало скучно с людьми, они изначально были ей интересны.

Они сели в его красный «Фольксваген» – подержанный, но аккуратный, как все немецкие авто, – и поехали по широкой, наводненной машинами улице. Берлина Лера действительно не знала, поэтому не могла понять, куда они едут.

Андрей остановил машину в тихом переулке – как раз в таком, в который Лера собиралась завернуть одна, гуляя по городу без цели. Теперь цель была, и ей было скучно.

Но ресторан «Под золотым фазаном», в который они вошли, сразу Лере понравился. Это был настоящий немецкий ресторан – с неполированными

столами и массивными, темного дерева стульями, с охотничьими гравюрами на стенах и сухими букетами из полевых трав и лесных цветов.

Садясь за стол у небольшого окна, выходящего в чудесный маленький палисадник, Лера мимоходом отметила про себя, что Андрей не отодвинул стул, чтобы помочь ей сесть. Впрочем, едва ли это сделал бы кто-нибудь из присутствующих здесь мужчин. А любая равноправная женщина уж точно обиделась бы на подобную дискриминацию.

– Что ты будешь есть? – спросил Майборода.

Лера рассеянно просмотрела меню. От усталости у нее совсем не было аппетита. К тому же и есть с Андреем ей тоже было скучно.

– Закажи сам, Андрей, – сказала она. – Что считается немецким национальным блюдом, ты же лучше знаешь? Только без закусок, мне есть не очень хочется.

– Давай тогда айсбайн, – предложил он. – Свиная ножка с тушеной капустой, отличная вещь.

Ожидая заказ, они пили легкое мозельское вино. Глядя на переливы света в бокале, Лера вдруг вспомнила, как Митя однажды привез мозельвейн – как раз из Германии. И они пили его вдвоем в полутемной гладышевской гостиной, встретившись после двух лет разлуки, а за окнами слышались выстрелы: автоматные очереди доносились от Белого дома в ту октябрьскую ночь... И Митя играл ей то на скрипке, то на гитаре, и пел про Кейптаунский порт – а она совсем не чувствовала тогда, что с ним происходит: думала только о себе – о своем одиночестве, о недавнем Костином уходе, о новорожденной Аленке и о том, что жизнь превратилась в бесконечную борьбу за выживание. И необъяснимое спокойствие охватывало ее, когда она смотрела в Митины глаза...

– Ты о чем задумалась, Лера?

Голос Андрея нарушил воспоминания. Лера вздрогнула и тряхнула головой.

– Ни о чем. Вино хорошее, надо будет купить домой. Расскажи, как у тебя дела, Андрей, – сказала она, чтобы как-то прервать молчание. – Если можешь, конечно.

– Да могу, чего уж теперь, – усмехнулся он. – Наверное, я должен извиниться перед тобой...

– Ничего ты мне не должен, – пожала плечами Лера. – Что ни делается, все к лучшему. Благодаря тебе я в этом лично убедилась.

– Ты переменялась, Лера, – задумчиво произнес он.

– Ну и комплименты у тебя, Андрюша, – усмехнулась Лера. – Что значит – переменялась?

– Похорошела, наверное, – сказал Майборода. – Я бы тебя, может, и на улице не узнал.

– Много воды утекло, Андрей, – улыбнулась Лера. – Быстрое было течение.

– Я ведь тебя давно не видел – другая женщина... Уверенность в себе, изящество. Завидую твоему мужу! Хотя, может быть, ему не позавидуешь...

– Почему это? – насторожилась Лера.

– Да я еще тогда, помню, думал: вот уж ни за что не смог бы жить с такой женщиной! А теперь и вовсе... Рядом с тобой любой мужик нулем будет выглядеть, неужели не понимаешь?

– Понимаю, Андрей, – тихо произнесла Лера. – Мы ведь с первым мужем потому и разошлись: он не хотел выглядеть нулем...

– Тогда я ему сочувствую, – усмехнулся Андрей. – Не думаю, что после тебя его удовлетворит существование с другой женщиной! Что ж, жизнь полна неразрешимых противоречий, особенно жизнь мужчины, – глубокомысленно заметил он.

– Почему же именно мужчины? – улыбнулась Лера.

– Да потому что женщины как-то лучше понимают, по-моему, чего они хотят. А мужчины склонны гоняться за призраками и не видеть счастья у себя под носом.

«Надо же, Андрей стал философом! – удивленно подумала Лера. – А был вполне нормальный бизнесмен-номенклатурщик в цивильном костюмчике и вообще не понимал, как можно задумываться об отвлеченных вещах!»

– Не знаю, Андрюша, – пожала она плечами. – Сколько я в своей жизни гонялась за призраками и совершенно не понимала, чего хочу... Я своего нынешнего мужа знала чуть не с рождения, мы с ним в одном дворе выросли, а я никогда не замечала, как он ко мне относится. Хотя он считает, что слепой бы не заметил. А потом вдруг влюбилась в него в одно прекрасное утро – и никто не объяснит, почему...

Кельнер принес огромные горячие тарелки, на которых мясо и тонко нарезанная капуста были обрамлены кружевным фиолетовым салатом. При виде тарелок Андрей оживился.

– Все-таки жизнь в Германии тоже имеет свои прелести, – сказал он, разворачивая на коленях салфетку.

– Это айсбайн, что ли, прелесть Германии? – удивилась Лера.

– А почему бы и нет? Я, по правде говоря, не так уж много нашел здесь других радостей...

Некоторое время они ели молча, потом Лера положила прибор и, отпив глоток вина, спросила:

– Тебе здесь плохо, Андрей?

– Да черт его знает, – ответил он. – Я же тебе так и не рассказал... Да и что рассказывать? Я сам не пойму, как это все со мной произошло... Ты ведь думаешь, наверное, что я в должниках оказался, смерти ждал от киллеров или еще что-нибудь душераздирающее? Не было ничего этого, Лера. Это долго рассказывать, на самом деле как все было... Ну, был я обычный комсомольский работник среднего разлива, попал в ЦК, перспективы кое-какие вырисовывались. Потом перестройка эта началась, и я, слава богу, вовремя успел почуять, чем дело пахнет, ушел в бизнес раньше других. А там и понеслось! Такие открылись перспективы – дух захватывало, куда там комсомолу! Всего-то и надо было, что с

умом использовать связи – и деньги ручьем потекли. Таким ручьем, что я захлебываться начал... И разве я один? Ты представить себе не можешь, что тогда творилось! Один мой приятель каждый день мешок «зеленых» приносил из офиса, шкаф платяной дома освободил, чтоб складывать! – Майборода неожиданно взволновался от своего рассказа, даже про айсбайн забыл. – Ну вот, так я быстро объелся всем этим, что вскоре горлом поперло – все мне обрыдло. Ну, еще одну бабу снять, еще одну шмотку купить или машину – не скажу, чтоб я очень уж это все любил. Дом я строить не хотел – для кого? Поездки – так мне с моим туризмом поездки раньше всего и надоели, глаза бы не глядели на Грецию-Венецию! А тут еще работа все круче становилась, первая халява-то схлынула, что-то новое надо было выдумывать, а я уже не мог, мозги застыли. Короче, решил, что пора сваливать, нечего больше ловить. Не поверишь, даже смысл жизни сразу появился: куда ехать, как деньги переправить, как тут все устроить...

– Но ведь ты же все это и сделал, – осторожно спросила Лера. – Отчего же тебе плохо?

– Да ничего я не сделал, как выяснилось! – воскликнул Андрей. – А почему – сам не понимаю... Не хочется подробности объяснять, но в общем и в целом все ушло сквозь пальцы. Черт его знает, то ли деньги по-глупому вложил, то ли к здешней жизни не приладился. Я ведь не в Германию, конечно, сначала уехал. Потом уже перебрался, еврейские корни отыскал, о которых понятия не имел, вот и пользуюсь теперь немецким историческим раскаянием...

Его волнение спало, и глаза снова потухли.

– Слушай, Андрей, – вдруг спросила Лера, – а зачем ты фотографию Венеции с собой прихватил? Ну ту, помнишь, что в холле висела – «Отражение площади Сан-Марко»?

– Да так просто, – пожал плечами Майборода. – Уходил, оглянулся, захотелось что-то на память взять, вот и свернул в трубочку. Мне ее приятель один подарил, фотохудожник, когда офис открывали. Его, говорят, застрелили недавно в Москве. Мастерскую свою бандитам не хотел отдать, что ли...

– А я ее так любила... – сказала Лера.

Ей действительно тогда до слез было жаль исчезнувшей фотографии. Серебристо-коричневая вода, и в ней – уходящие в глубину отражения колокольни Святого Марка, Палаццо Дукале, часовня с бронзовыми фигурами... Венеция была Лериным заветным городом, лучшим ее воспоминанием. Потому что там нашел ее однажды Митя, усталую и отчаявшуюся, и там она поняла, что любит его.

– Так забирай ее, какие проблемы! – вдруг сказал Майборода.

– Как это – забирай? – поразилась Лера. – Ты что, с собой ее возил?

– А что такого? Память все-таки – о не худших днях. Она у меня и сейчас висит, да все равно теперь... Забирай, забирай! – повторил он. – Прямо сейчас и съездим.

У Леры загорелись глаза.

– А что – давай! – сказала она. – Думаешь, не заберу? Обратно ее повешу, я там до сих пор место на стене свободным держу. Где она у тебя?

– Да дома, где еще? На работу мне и ходить тошно, не то что картину вешать.

– Почему? – удивилась Лера. – Такая плохая работа?

– Да нет, ничего. Можно сказать, повезло. Пришлось, правда, вспомнить первую специальность: я же программист когда-то был. Да как-то... Сидим целый день в офисе с одним югославом, стол в стол. Глаза от монитора отведу – его морда напротив, на носу бородавка. Рядом – хозяин, за стеклом прозрачным. Молчим, работаем. Потом кофейная пауза – кофе пьем, футбол вчерашний обсуждаем. Потом обед – идем обедать. Хозяину-то ничего: немец, привык. А мы с югославом так друг друга ненавидим за все это... Я вот его за бородавку, например, больше всего ненавижу!

– А то у нас все без бородавок? – Лера не смогла сдержать улыбку. – Или в обеденный перерыв о Рембрандте беседуют?

– Да все я понимаю, – мрачно произнес Андрей. – Думаешь, я совсем дурак, про духовность про нашу буду тебе впаривать? Видал я ее, нашу духовность, – особенно у подольской братвы... Ничего я не знаю, Лера! А жить тошно.

Андрей жил довольно далеко от ресторана «Под золотым фазаном».

– Ну и забрался ты! – заметила она, когда, лавируя по переулкам, Андрей вырулил наконец на тихую, но какую-то обшарпанную улицу.

– У самой Берлинской стены бывшей, – пояснил он. – Но это вообще-то и хорошо теперь. Раньше глухой был уголок, хоть и Западный Берлин, а теперь – считай, самый центр. Видишь, строительство какое?

Действительно, все дома на улице стояли в строительных лесах, аккуратными фонариками и барьерами были отмечены участки ремонтирующейся дороги.

Андрей отпер дверь, они с Лерой прошли через сквозной подъезд и вышли в гулкий, похожий на колодец двор.

– Это тут хинтерхоф, – объяснил Майборода. – Задний двор, значит. Один дом за другим стоит, как за крепостной стеной.

Лера с удивлением смотрела на последний этаж дома. Собственно, последнего этажа и не было. Наверху, как декорация, стояли остатки фасада, небо светилось в пустых окнах.

– Заметила? – усмехнулся Андрей. – Это они с войны оставили. Чтоб не забывать...

Квартира у него была небольшая и довольно аккуратная. Правда, мебели было мало, но все необходимое имелось.

Едва Лера вошла в эту комнату с белыми обоями, ощущение тоски и уныния, исходившее от Андрея, стало для нее еще отчетливее. Она так и не могла понять, с чем оно связано, но ей стало почти что страшно...

Отраженная Венеция светилась на белой стене серебристо-коричневым светом.

– Андрюша... – сказала Лера. – Может, не забирать ее? Здесь без нее совсем тоскливо будет...

– А с ней, думаешь, лучше? – невесело усмехнулся он. – Хотя, конечно, здесь только и остается, что стать сентиментальным.

Лера открыла было рот, чтобы ответить, как вдруг почувствовала, как Андрей обнимает ее сзади, прижимается к ней, подергивая бедрами. Она так удивилась, что даже не оттолкнула его сразу – только обернулась, выставив перед собою ладонь.

– Ну что ты? – срывающимся голосом пробормотал он. – Что ты как девочка, ей-богу? Я ж ничего плохого, Лер... Как нахлынуло вдруг...

Впервые за весь утомительный, тягостный вечер ей стало жаль его – в этой унылой квартире под пустыми окнами, в этом звенящем его одиночестве... Но что могла изменить ее жалость?

– Перестань, Андрюша, – мягко сказала Лера, но мягкие ее интонации заставили его отстраниться. – Ты же сам понимаешь, что этого не будет, правда?

Он покраснел, зачем-то поправил галстук.

– Да понимаю, понимаю, – сказал он, отводя глаза. – Так что-то, не сдержался... Я же здесь вообще один, каково мне? Я, знаешь, Лер, снял однажды за сто марок проститутку на Кудамм. И – противно, не поверишь! Хоть я, бывало, в Москве не пренебрегал... Страсть изображает, а все равно ведь видно, что притворяется.

– А ты думал, она тебе за сто марок вечную любовь подарит? – поинтересовалась Лера.

– Да я и подороже пробовал, в Гамбурге. За пятьсот, – не уловив иронии, возразил Андрей. – И то же самое, никакой разницы!

– Да какая же может быть разница? – Лера не выдержала и улыбнулась.

– Ну, все-таки... Это в Москве пятьсот марок мне было – тьфу, а здесь – большие деньги...

– Давай фотографию из-под стекла достанем, – попросила Лера.

– Да забирай вместе со стеклом, – махнул рукой Майборода. – Оно хорошее, специальное. Мильхглас, слышала? Молочное стекло, значит. Ни бликов, ничего. Попросишь, чтоб упаковали тебе в аэропорту.

Лера обхватила руками колени и взглянула на Митю. Он лежал, опершись на локоть, и смотрел на нее с тем выражением непонятного ей внимания, которое она так любила. Странное это было внимание – ни у кого она не видела такого, да и у самой у нее внимание выражалось совсем иначе.

Когда Леру что-то интересовало, она отдавалась своему интересу полностью, и это сразу заметно было по ее лицу. И у собеседников своих она обычно замечала то же – напряженную сосредоточенность, которая и значила, что человек абсолютно «погружен в вопрос».

У Мити было совсем другое. Он смотрел на нее, слушал – Лера видела, что он вслушивается в ее слова, в ее голос. Но она видела, чувствовала и другое: это не единственное, что он слышит... Еще – звуки, мелодии, но главное – то неназываемое, огромное, что всегда происходило в нем, даже когда он просто спал, а Лера смотрела на легкие тени под его прямыми ресницами...

Митя смотрел на нее и слушал.

– Я не могу этого объяснить, – сказала Лера, вглядываясь в его глаза. – Я просто сама не понимаю, что с ним произошло, почему он тусклый стал такой, бесцветный. Да я даже самого простого не понимаю: почему у него денег-то нет? Ведь он действительно все вывез отсюда, уезжал, как мешок набитый! А теперь – такое убожество...

– Да ведь это просто, Лер, – сказал Митя, кладя руку на ее колено. – Почему у него денег нет – это же сразу ясно. Деньги все-таки вещь мистическая – как земля, как власть. Они найдут хозяина, а кому их не иметь – тот и не удержит.

– Ты думаешь, это происходит так справедливо? – удивилась Лера.

– При чем здесь справедливость? – возразил Митя. – Я же не говорю, что они оказываются у самых достойных. Даже чаще всего совсем наоборот. Но все равно – только у тех, кто в силах удержать эту тяжесть. Мне вот иногда кажется, что я знаю, как удержать скрипку. Она от меня каждый день пытается уйти, а я иногда чувствую, как ее удержать, – и она остается со мной. А ты знаешь, как удержать жизнь, как не дать ей расплыться, развеяться. И денег у нас столько, сколько нам для этого надо.

Он заметил легкое недоумение в ее глазах и рассмеялся – как всегда, по-детски наморщив нос.

– Непонятно говорю, подружка? Ладно, это неважно! Какое нам с тобой дело до его денег?

– Нет, почему, я поняла, – немного обиделась Лера. – Это ведь и правда так, Митя! И разве только деньги? Кто не смог, тот ничего не удержал – все выдуло из рук... Помнишь Сашку Глазьева? Ну, со Сретенки, напротив моей школы жил, помнишь? У которого двадцать восемь аквариумов было дома? Он еще нефтяную биржу открыл, «Золотая рыбка» называлась, и клуб молодых миллионеров организовал. Да ты точно помнишь! – воскликнула Лера, заметив, как Митя усмехнулся и пожал плечами. – По всем программам его рекламу крутили: рыбки плещутся в аквариуме. Он мне, помню, говорил: «Мне эти рыбки удачу принесли, я им памятник поставлю у Петровских ворот – такой аквариум из пуленепробиваемого стекла, а в нем рыбки из чистого золота!» А теперь он менеджером в фирме, которая антиалкогольные таблетки продает. Без ведома больного...

Митя снова рассмеялся, услышав про таблетки.

– Ну, еще бы! – сказал он. – Если человек не понимает, что у Петровских ворот не может быть памятника его рыбкам... Таблетки без ведома – как раз по нему занятие!

– Мить, а откуда ты это знаешь? – вдруг спросила Лера. – Про деньги, про власть... Ты думал об этом?

– Да нет. – Митя пожал плечами и сел рядом с Лерой, убрав с живота пепельницу. – Об этом не думал. Но, наверное, думал о чем-то другом, во что и это уместилось. Да и не я все это выдумал, это в Библии еще написано и потом сто раз повторено.

– Про это – в Библии? – недоверчиво улыбнулась Лера. – А про нас с тобой?

– И про нас тоже. «Не будите и не тревожьте возлюбленной, доколе ей угодно...» И вообще – иди-ка ты ко мне! Я по тебе скучал так, что скулы сводило, а ты о рыбках безмозглых размышляешь!..

Он обнял Леру за плечи и снова откинулся назад, увлекая ее за собою. Она почувствовала, как наливается страстью все его тело, когда он рукой проводит по ее спине, прижимает к себе ее бедра. И она прильнула к нему, губами ловя его горячие губы...

– Митенька, я тебя люблю, – прошептала она. – Как я жила без тебя?..

Глава 3

Лера проснулась поздно, но не заметила этого.

Шторы были задернуты. Когда Лера вынырнула на мгновение из сна, ей показалось, что еще ночь, и она снова уснула с блаженным чувством длящегося покоя. Даже боя часов в гостиной она не слышала – ни в девять, ни в десять.

А когда проснулась окончательно, часы били какую-то четверть, и Лера с удовольствием вытянулась в постели, сладко обманывая себя незнанием времени.

И Митина скрипка звучала почти неслышно – наверное, он закрыл все двери между спальней и кабинетом, чтобы ее не разбудить. Но Лера все-таки услышала, как пробивается сквозь стены мелодия, прихотливая и стремительная. Мелодию эту Лера не узнала. Да она и вообще не любила, когда Митя играл что-нибудь быстрое. Ей казалось, что это он просто тренируется:

невозможно было сравнить виртуозные пассажи с тем, как звучала скрипка в его руках, когда вся душа его медленно переливалась в мелодию...

Лера набросила длинный шелковый халат в японских цветах и пошла в ванную. Ей хотелось увидеть Митю, но она никогда не входила к нему, когда он играл, – если сам не звал.

«Двенадцатый час! – ахнула про себя Лера, взглянув на часы. – Давно он играет, интересно? Вчера так поздно уснули – вернее, сегодня...»

Она решила пойти к Аленке, пока Митя занят, а завтраком заняться потом. Лера даже устыдила себя в душе: ведь, считай, еще не видела дочку, а вспомнила о ней только сейчас. Ей и правда было стыдно, но она ничего не могла с собой поделать. Вчера ей так хотелось быть с Митей, она даже обрадовалась, что Аленка спит.

Но сегодня... Лера быстро переоделась и уже вышла в коридор, как вдруг услышала Аленкин голос. Она подошла к двери кабинета – и дверь тут же распахнулась перед ней.

– Мама! – воскликнула Аленка. – Петушок пропел давно! А что ты мне привезла?

– А ты разве еще не залезла ко мне в чемодан? – рассмеялась Лера, подхватывая дочку на руки. – Скажи лучше, как ты себя вела без меня?

– Как всегда, – уклончиво ответила та. – Спроси бабушку!

– Бабушка тебя не выдаст, я знаю.

– И Митя не выдаст, – с удовольствием заметила Аленка. – Я ему не мешала! – тут же добавила она.

– Я вижу, – улыбнулась Лера. – А почему ты тогда болтаешься в кабинете, когда он занимается?

– Это я ее привел, – вступился за Аленку Митя. – И всего полчаса назад, так что она мне в самом деле не мешала.

– Митя сейчас мне играл, – заявила Аленка. – Про царя Салтана – как шмель летит. Правда, похоже?

– Правда. А теперь мы с тобой пойдем готовить завтрак, а Митя еще поиграет и придет к нам, – сказала Лера, опуская дочку на пол.

Внешность у пятилетней Аленки была в точности Костина. Лера даже удивлялась: бывает же такое сходство! И большие голубые глаза с загнутыми ресницами, и светлые локоны, обрамляющие нежное лицо, и кожа – такая тонкая, что даже легкое волнение тут же расцвечивает щеки.

Но характер у дочки был совершенно ее, Лерин, – стремительный. Это она по-настоящему поняла, когда Аленке было три года – когда завершился тот ужас с ее похищением и Лера уехала с ней на сахалинскую речку Подкаменку, чтобы немного прийти в себя после пережитого.

«Это все прошло! – тут же сказала себе Лера; она всегда говорила себе так, если вдруг всплывали эти жуткие воспоминания. – Это прошло, никогда не повторится. Митя так сказал!»

Это действительно прошло, и только две тонкие полоски шрамов на Лериных запястьях напоминали о тех днях.

Мама передала Мите и завтрак, когда он заходил за Аленкой: на столе в кухне стояло круглое блюдо с пирожками. Сердце у Леры сжалось. Эти любимые пирожки с грибами, приготовленные ко дню ее рождения, напоминали все о том же – о хрупкости маминого здоровья и о том, что детство ушло безвозвратно...

– Бабушка сказала, чтоб ты мне не давала конфет, потому что она тебе на день рожденья обед приготовила вкусный, – сказала Аленка и тут же поняла, что проговорилась. – Но ты все-таки дай одну, я буду потом есть, правда! – торопливо добавила она.

Не обращая внимания на умильное выражение Аленкиного личика, Лера дала ей пирожок и достала из холодильника помидоры для салата.

Она вернулась домой, она готовила завтрак, дочка ее болтала ногами, сидя на высоком стуле, звучала Митина скрипка, начинался воскресный день – и ничего не было счастливее этих простых событий, и ничего не было дороже.

Лера только недавно научилась коротким расставаниям с Митей. Именно научилась, потому что отрываться от него даже ненадолго было для нее мучением, ей сознательно приходилось заставлять себя это делать.

А первое их расставание, год назад, повергло ее в такое смятение, какого она сама от себя не ожидала.

Первые дни, которые они провели вместе, Лера помнила как в тумане. Вернее, это вокруг все было покрыто туманом. Она видела только Митино лицо, чувствовала его руки, его дыхание, слышала его слова – они перемежались с музыкой и сами были музыкой.

Она не знала, сколько это длилось.

Известие о том, что Митя должен уехать, прозвучало для нее как гром с ясного неба. Хотя – что в этом было удивительного? Лера привыкла к тому, что он все время в разъездах. То «Дон Жуана» репетирует в Венской опере, то играет с оркестром Аббадо в Берлине, то дирижирует в «Гранд-Опера»...

Она совсем не разбиралась в иерархии музыкального мира, но понимала, что Митя занимает в ней значительное место. Да и самой ей то и дело приходилось куда-нибудь ездить по делам «Московского гостя», и ее график был очень напряженным.

Но все это было в другой, прежней жизни – когда она была без Мити. После нескольких дней, проведенных с ним неотрывно, Лера представить не могла, что это вообще было с нею.

– Ты уезжаешь? – растерянно спросила она, глядя на Митю и едва не плача. – Зачем?

Это было вечером, они стояли в гостиной под висящим на стене эскизом Коровина. Все мелочи окружающего вдруг прояснились для Леры, словно выхваченные закатными лучами. Митя смотрел на нее, но она не понимала, что таится в его глазах.

– Уезжаю – и вернусь, – сказал он. – Ну что ты, родная моя? Скоро вернусь, ты же знаешь. Это ведь даже не гастроли – всего три концерта в Вене, они уже год как назначены. Я же тебе говорил: надолго теперь уезжать не буду, только Москва, мой оркестр, может быть, опера... Я тебя обманывал когда-нибудь?

– Никогда, – покачала головой Лера.

Ей стало стыдно, что он объясняет ей такие вещи, словно маленькой, и она постаралась, чтобы голос звучал спокойно.

– Извини, Мить, – сказала она. – Ну конечно, ты же скоро приедешь, что это я!

Самолет у него был рано утром в понедельник. Лера отвезла его в Шереметьево, поцеловала у самого барьера и смотрела, как он идет, не оглядываясь, уже отделенный от нее толпой у таможенных калиток, и почти неразличимый дым от сигареты вьется за ним.

Да, это было ровно год назад, тоже в марте. Только тогда холодно было, снег лежал на полях вдоль шоссе и лепился к стеклу ее серебристой «Ауди», почти так же мешая видеть дорогу, как мешали слезы.

Мама была с Аленкой в подмосковном санатории – она всегда туда ездила весной, принимала процедуры от гипертонии, – и Лера не стала заходить домой. Зоське она позвонила из машины и сказала, что хочет взять отпуск – на неделю, не больше.

– Поедешь куда-нибудь? – пробормотала разбуженная Зоська. – Смотри, второго апреля Альбертини приезжает, ты же знаешь, что...

– Никуда не поеду, – сказала Лера. – Здесь буду, но работать не могу... Митя уехал, Зось.

– Совсем? – Зоськин голос в трубке стал испуганным.

– Нет, до конца недели...

– Так что ж ты меня пугаешь! – возмутилась Зоська. – Я думала, вы поссорились.

К счастью, Зоське, соседке и подружке, ничего не нужно было объяснять: она знала Митю столько же, сколько и Лера, даже влюблена в него была когда-то. Лере, по правде говоря, всегда казалось, что Зоськина любовь к Мите, трогательная и безответная с самого детства, – это и есть то, что не проходит никогда. Но – прошла, иссякла как-то, и Зоська сама ей сказала однажды:

– Я и сама, Лер, не знаю, почему... Наверное, мне этого вообще не дано – бывает же такое, правда? Я, знаешь, однажды подумала: а вот что бы было, если б я с ним жила? Ну, каждый день – просыпалась с ним, завтракала, ужином его кормила? И так мне тоскливо стало, Лер, передать тебе не могу! Не хочу я этого, понимаешь? Даже с Митей, хотя его ни с кем сравнить нельзя... Но моя жизнь – это моя жизнь, мне нелегко далось ее устроить, почему я ее должна с кем-то делить? Все равно быт все съест – какая разница, через месяц или через год? Нет, ты себе думай как угодно, а по мне: мужчина должен приходить и уходить, иначе его выдержать невозможно, будь он хоть ангел небесный!

Она решительно шмыгнула острым носиком, и Лера улыбнулась, глядя на нее. Ей прекрасно были известны Зоськины феминистские взгляды, и она никогда с ней не спорила. Быт так быт, пусть думает как хочет.

Этот разговор происходил еще до Мити, но Лера и тогда была уверена в том, что никакой быт в этих делах ни при чем. Да она его и вообще не замечала, быта, все делала играючи еще тогда, когда не было возможности пригласить домработницу, а за стиральным порошком приходилось часами стоять в очереди. И разве из-за быта они расстались с Костей?

А о том, что происходило между нею и Митей, вообще невозможно было рассуждать в этих обыденных словах...

– Я дома буду, Зося, – повторила Лера. – Но вы мне не звоните, хорошо?

В конце концов, турагентство «Московский гость» работало как часы, и не в последнюю очередь ее стараниями. Могла себе позволить неделю отдыха его неутомимая президентша?

Лера открыла дверь Митиной квартиры и остановилась на пороге, словно не решаясь войти. С тех пор как умерла Елена Васильевна, а Сергей Павлович уехал в Штаты, Митя жил здесь один, да и то бывал наездами. И квартира казалась Лере безмолвной, как музей.

Она столько раз бывала здесь, она знала каждую картину, висящую в гостиной, – эскизы Коровина и Левитана, подаренные авторами деду Елены Васильевны, и портрет Митино прадеда, профессора Московской консерватории Гладышева, написанный Серовым, и гравюры, привезенные из Германии...

Она не могла оставаться здесь без Мити, но и уйти отсюда не могла. Странное, необъяснимое оцепенение охватило ее, словно льдом сковало.

Лера медленно прошла в гостиную, села в кресло у стены и вздрогнула: гитара стояла в углу, прислоненная к обитому синим гобеленом дивану, и Лере показалось, что струны тихо звенят, как будто к ним прикасаются Митины пальцы.

Весь он был здесь, здесь была его душа, и Лера даже разрыдаться в голос не могла, хотя слезы комом стояли в горле, – так вслушивалась она в его душу, в ее удивительную музыку.

Она могла только ждать его – все остальное было неважно и невозможно.

Дни и ночи слились для нее в одну бесконечную пустоту; Лера не замечала, как они сменяют друг друга. На улицу она не выходила. Наверное, она спала, даже пыталась что-то читать, но не помнила что. А больше всего – просто сидела у окна и смотрела на знакомое до последней черточки пространство двора, на бурый мартовский снег. И ей казалось, что Митя сейчас появится в арке, пойдет к подъезду, руки держа в карманах плаща и думая о чем-то неведомом...

Он звонил вечерами, и звонки его были единственными мгновениями, когда Лера чувствовала, как проясняется и светлеет окружающая жизнь. Она расспрашивала его о репетициях, стараясь, чтобы ее голос звучал спокойно и

даже весело. Она помнила, как легко Митя всегда распознавал ее тревогу, и ей не хотелось отрывать его от музыки, для которой он уехал от нее в Вену.

– Что ты играешь, Мить? – спросила она.

– Я в этот раз не играю, подружка, только дирижирую. – Лера почувствовала, что он улыбнулся там, в Вене, вдалеке от нее. – Чайковский, Шестая симфония. Ты помнишь? Это же самое известное... То есть сегодня другое, а завтра будет Шестая, один раз.

– Помню, – подтвердила Лера, хотя в этот момент не вспомнила бы не то что Шестую симфонию, но даже «Чижика-пыжика».

Митя должен был вернуться в воскресенье, а к вечеру пятницы настроение у Леры было такое, что, если бы он позвонил, у нее уже не осталось бы сил притворяться... Ее охватила такая апатия, что она вообще не могла ни двигаться, ни говорить. К тому же она давно уже ничего не ела – не было аппетита – и в голове у нее стоял безвоздушный звон.

Что он делает там, в своем мире, в котором она ничего не понимает и в котором поэтому ему не нужна? Лера пыталась представить, как выходит он на сцену во время репетиции, как поднимает руки – рукава светлой рубашки закатаны, и поэтому кисти кажутся еще больше; как смотрит на оркестр – прищурившись и словно к чему-то прислушиваясь... Она видела это так ясно, как видела все, связанное с Митей.

Но сейчас эти видения были невыносимы.

Лера не заметила, как уснула, сидя у окна в библиотеке и уронив голову на широкий подоконник. Это был странный сон! Скорее не сон, а забытие. Она слышала все звуки и шорохи, даже, кажется, видела погруженную в темноту комнату с мерцающими стеклами книжных шкафов, – и не могла пошевелиться.

Это забытие длилось, пока Лера не почувствовала прикосновение Митиных рук к своим плечам, – и тогда она открыла глаза.

Митя не снял плащ и не включил свет и дышал часто, как будто бежал по лестнице. Он наклонился над Лерой и целовал ее плечи, взлетающие от его дыхания волосы на ее висках.

– Милая моя, любимая, как же я мог... – слышала она его голос и все еще не могла поверить...

И вдруг – поверила! Поняла, что это не сон, что он вернулся, что он целует ее и его дыхание касается ее воспаленных щек.

А поверив, заплакала так безудержно, с такими горькими всхлипами, как будто разлука еще только предстояла.

– Милая, прости меня, – повторял Митя, ладонями вытирая ей слезы. – Это только оттого, что я так долго был без тебя, я же еще привыкнуть не успел, что ты со мной... Я не должен был сейчас без тебя уезжать, как же я мог ничего не чувствовать!..

Он присел перед нею на корточки, как делал это, когда она была маленькая, а он взрослый, на пять лет старше, – и держал ее за руку, заглядывая в заплаканные глаза.

– Мить, это ничего, ничего, – всхлипывала Лера. – Не обращай внимания. Мне же тридцать лет, я же уже взрослая, самостоятельная, меня не надо за руку водить...

– Взрослая, взрослая. – Он улыбнулся. – Но я не должен был тебя оставлять, я это так ясно почувствовал, если бы ты знала! Это каждый день нарастало, во всем, и в музыке больше всего... В Шестой симфонии. Она вообще страшная, у меня это с детства осталось, когда впервые ее на пластинке услышал, года в два. Мама рассказывала – плакал, говорил: выключи страшную музыку!

Митя снял наконец плащ и сел в кресло, посадив Леру себе на колени.

– Но ты мне говори, хорошо? – сказал он. – Ты не обижайся, но я же в самом деле не привык, что не один. И я, когда работаю, ведь мало что замечаю. Ты мне просто говори: хочу то, не знаю что, – и я сделаю. А я так хотел, чтобы ты

приехала...

– А мне почему не сказал, Митя? – укоризненно спросила Лера. – Разве я не приехала бы, если бы знала?

Он улыбнулся.

– Видишь, какие мы оба оказались стеснительные. Я думал: невозможно требовать, чтобы ты все бросила и приехала по моему капризу. А ты...

– А я думала, что тебе не нужна, – тихо сказала Лера, прикладывая его руку к своей щеке с горячими дорожками высохших слез.

Они сидели в молчании снежной мартовской ночи, прислушиваясь к дыханию друг друга, и каждый сдерживал собственное дыхание, чтобы оно не мешало слушать.

– Mam, я тебе мимозу в подарок нарисовала! – услышала Лера.

Оказывается, воспоминания промелькнули в ней так мгновенно, что, несмотря на их отчетливость, все они уместились в промежуток между двумя Аленкиными фразами.

– Спасибо, – улыбнулась Лера. – Ты помнила, что у меня день рождения?

– Нет, – честно призналась Аленка. – Я забыла, но мне бабушка сказала, и Митя – и я вчера нарисовала. Домой придем, я тебе подарю.

Музыка в кабинете затихла, и Митя вышел на кухню.

– Ты закончил? – взрослым голосом поинтересовалась Аленка. – К бабушке пойдем?

– Вы пока вдвоем с мамой пойдете, хорошо? – ответил Митя, садясь за стол. – А я потом приду, к обеду. Мне еще позаниматься надо.

– У тебя не получается? – сочувственно заметила Аленка.

– Получается, но не совсем так, как мне хотелось бы. – Митя улыбнулся ее серьезному тону. – И еще мне надо кое-что послушать.

– Ты позанимаешься, послушаешь музыку, потом мы пообедаем, а потом? – не отставала девочка: она явно хотела выудить из Мити какое-нибудь интересное обещание.

– А потом я пойду в Музыкальный театр и буду прослушивать одного хорошего певца, которого хочу нагло переманить к себе, – спокойно объяснил Митя. – А вечером мы с мамой пойдем в ресторан, если она не против, – добавил он, глядя на Леру.

– И со мной! – воскликнула Аленка.

– Нет. Мы пойдем с мамой вдвоем: у нее ведь день рожденья.

Аленка тут же покраснела, шмыгнула носом. По лицу ее было видно, что она собирается не просто заплакать, а в голос разреваться. Лера прекрасно знала, что дочка ее большой сдержанностью не отличается, и уже собиралась вмешаться, когда Митя сказал:

– А вот когда у тебя будет такой день рожденья, что ты уже будешь взрослая, – тогда я тебя повезу в любую страну и в любой город, куда ты захочешь, и поведу в самый красивый ресторан, какой ты сама выберешь. Хорошо?

В Аленкиных глазах мелькнул интерес.

– А сколько мне будет? – тут же спросила она; девочка любила точность. – Взрослая – это когда сколько?

– Шестнадцать, – уверенно ответил Митя.

– Ну-у, – протянула Аленка. – Это когда еще будет... Я тогда уже в школу буду ходить! – Но интерес к будущему событию оказался сильнее предстоящего ожидания, и она с любопытством спросила: – А что ты мне тогда подаришь?

– Тогда ты сама выберешь. И я тебе подарю все, что ты захочешь.

Митя говорил совершенно серьезно, хотя глаза его смеялись, и Лера улыбнулась его уверенности и дочкиному живому доверию.

– А маму? – вспомнила Аленка. – Маму ты в какой город сегодня повезешь?

– Мама выбирает Москву, – наконец вмешалась Лера. – Поэтому мы сегодня никуда не уезжаем. А вот я тебе сейчас покажу, какие два платья мне сшила Ната Ярусова, и ты мне подскажешь, которое надеть вечером!

Они шли с Аленкой через двор, и Лера вдруг вспомнила, как стояла здесь, посреди двора, октябрьской ночью, выстрелы были слышны совсем близко, Аленке был месяц, и она спала дома, а Митя держал Леру за плечи, молчал, и она чувствовала, как мир нисходит в ее душу посреди суровой, отчаянной и прекрасной жизни.

Глава 4

Лерин «Московский гость» давно уже работал так слаженно и без сбоев, что она даже старалась об этом не думать: чтоб не сглазить. Конечно, этому следовало только радоваться, и Лера радовалась, но в глубине души она понимала, что турагентство для нее – пройденный этап.

Не то чтобы ей хотелось больше денег: она была уверена, что их у нее теперь более чем достаточно. Но истощенность возможностей, которую Лера ясно ощущала, была для нее скучна.

Она даже заговорила об этом однажды с Женькой Стрепетом, президентом холдинга «Горизонт», частью которого было ее агентство.

Лера входила в Женькин кабинет в здании на Малой Бронной, наверное, сотни раз. И каждый раз улыбалась про себя. Женька был консервативен до невозможности, в его роскошном кабинете не изменилось за пять лет абсолютно

ничего. Даже вазочка для карандашей была та же: старомодная, в виде елового пенька – талисман. И жил он по-прежнему в их доме, с родителями, после первой неудачной попытки отказавшись от мыслей о женитьбе и вполне довольствуясь нетребовательной и миловидной любовницей, которую время от времени приводил на приемы.

Женька во всем был такой – щепетильный, иногда до невозможности скучный и всегда как скала надежный в делах. Лера не раз благодарила судьбу за то, что работает именно с ним. При всем своем консерватизме Женька никогда не был ни вялым, ни равнодушным в работе. Лере лично доводилось убеждаться, как жестко и решительно он может действовать, когда того требуют обстоятельства. Одна история со Стасом Потемкиным чего стоила...

То, что их связывало не по работе, а, как принято было теперь говорить, «по жизни», Лера определяла для себя как давнее přátельство. Они настолько привыкли именно к таким – ненавязчивым, не слишком близким, но доверительным и прочным отношениям, что давно уже понимали друг друга с полуслова.

К тому же их связывало общее детство. Как ни смешно это могло показаться, для Леры много значило все то, что она знала о Женьке, – его маленькие, детские еще тайны, которые не были нужны ни для чего; они просто были.

Что он когда-то увлекался шахматами и у него была настоящая индийская доска с необыкновенными фигурами. Что любит экзотические безделушки, которые папа-дипломат всегда привозил ему из поездок. Что начал курить в первом классе, тайком от мамы, и с тех пор периодически пытается бросить, и мама по-прежнему об этом не знает...

Женька сразу понял, о чем она говорит.

– Что ж, Лера, это ведь нормально, – сказал он. – Ты давно в бизнесе – конечно, ты себя переросла. Так за чем же дело стало? Ты все наши дела знаешь неплохо, я рад буду, если ты вступишься в любое.

Через «Московского гостя» действительно велись почти все международные дела холдинга – встречи, приемы, деловые поездки и конференции, поэтому Лера прекрасно представляла себе все, чем занимается «Горизонт».

– Да я знаю, Жень, – сказала она. – Но как-то не сказала бы, что меня это очень привлекает...

– Ну, как хочешь, – слегка обиделся Стрепет. – А по-моему, у нас деятельность достаточно разнообразная!

– Да ведь я ничего и не говорю, – извиняющимся тоном возразила Лера. – Я просто, наверное, сама еще не понимаю, чего хочу. А раз не понимаю – зачем же браться?

– Ну, смотри, – пожал плечами Женя. – Ищи, раз так. Осторожно только, я тебя прошу! Сто раз отмерь, не то что семь. А еще лучше – со мной посоветуйся.

Лера понимала, что он говорит так не из-за самоуверенности. Стрепет был опытен, осторожен, и служба безопасности «Горизонта» считалась одной из лучших в Москве. Лера отлично помнила, как много глупостей наделала два года назад, когда пыталась сама разобраться с Аленкиным похищением...

А может быть, для нее сейчас и хорошо было, что работа не требовала всех сил и всего времени. Лерина жизнь изменилась, и работа перестала быть ее главным, едва ли не единственным содержанием. Полностью отдаваться своему делу, сидеть в офисе допоздна и в выходные – все это было вполне приемлемо для Леры, когда ее мужем был Костя. Она хорошо относилась к нему, даже была уверена, что любит его, но бывали дни, когда она ни разу вообще не вспоминала о его существовании.

Даже Аленка не настолько занимала все ее мысли и всю душу, чтобы надолго оторвать от работы. Это вызывало у Леры стыд, но это было так, и она ничего не могла с собою поделать.

Лера пыталась понять, отчего ей не хватает того, чего всегда хватало, например, ее маме – жить жизнью своей дочери, – чего хватает тысячам женщин; и не понимала.

Она вспоминала первые дни и месяцы после рождения Аленки, когда мир превратился в плотный кокон, в котором была только она и крошечная девочка и в котором им не нужен был больше никто. Как она радовалась этому и думала,

что это навсегда, – и как все-таки почувствовала вскоре, что ей этого мало...

Это были тяжелые мысли, Лера просто не могла держать их в себе. И она спросила Митю – как с самого детства спрашивала его обо всем, что ее волновало.

К тому времени они были вместе всего полгода, да и то жили на два дома. Лера, как и прежде, всматривалась вечерами в его окно напротив – не осветятся ли шторы, не вернулся ли он... И сердце у нее вздрагивало, когда он возвращался.

В этот вечер Митя поздно приехал с концерта, они сидели на просторной, с черной лестницей и множеством ниш, кухне гладышевской квартиры, и Лера смотрела, как дрожит на белой скатерти золотой блик от чая в Митином стакане, как сияет в вечернем свете серебряный подстаканник.

– Наверное, это какая-то моя ущербность, – говорила она, заглядывая в скрытые под прямыми ресницами уголки Митиных глаз и пытаясь угадать, что он думает. – Мне стыдно перед нею, но я не могу... Когда с ней... все это случилось, когда ее не было – я думала только о ней, ничего больше для меня не существовало. А когда я за нее спокойна – не могу. Это так странно, Митя...

– Что же странного? – спросил он.

– Я понимаю, Зоська ничего странного в этом не нашла бы – сказала бы, что жизнь женщины должна быть разнообразной. Но ведь я не Зоська, и это для меня не объяснение, ты же понимаешь. Я ее люблю, Мить, но... чувствую как-то отдельно от себя! Что же это за любовь к ребенку? Она же маленькая еще, она во мне должна быть...

– Да она и есть в тебе, – улыбнулся Митя. – Именно в тебе – в такой, какая ты есть. В тебе столько вмещается, подружка, я всегда этому удивлялся! Все живет, дышит, всего тебе мало, и всегда тебе хочется большего. Наверное, есть какое-то загадочное «все», которое ты чувствуешь, – и никто, и ничто тебе этого не заменит...

– Но к тебе, Митя, – тихо сказала Лера, подсовывая свою руку под его ладонь. – К тебе ведь я чувствую совсем другое... Я никогда ни к кому такого не чувствовала, даже к Аленке, потому мне и стыдно перед нею. Об этом что же ты

скажешь?

– Об этом я ничего не скажу, – помолчав, произнес он; ладонь его замерла на Лериной руке. – Я не буду об этом говорить.

– Почему? – Лера удивленно подняла на него глаза.

– Не хочу.

И Лера тут же перестала спрашивать. Она знала, что Митино «не хочу» не предполагает объяснений, и если он так говорит – значит, разговор окончен.

Он улыбнулся, глядя на ее расстроенное лицо, перевернул ее руку ладонью вверх и погладил.

– Да и с чего ты взяла, матушка, что ей так уж необходимо быть одним твоим светом в окошке? Я это с детства очень хорошо помню – мамаш этих сумасшедших, которые чадам своим дыхнуть не давали, до того о них заботились. В консерваторию приходили сопли им вытирать, и все из лучших побуждений. Мама совсем другая была... – Лицо его осветилось тем печальным и ясным светом, который освещал любое его воспоминание о матери. – Хотя она-то как раз только мною и жила, это я всегда понимал. И знал, каких усилий ей стоит не держать меня за руки, не требовать, чтобы я не водился с кем не следует, не увлекался сомнительными девицами и не выяснял отношений с их мужчинами! Конечно, отец ее тоже останавливал, но она и сама понимала...

Лера не хуже Мити знала, о чем он говорит. После родов у Елены Васильевны не двигались ноги и жизнь ее волей-неволей сосредоточена была на Мите – особенно после того как ушел Сергей Павлович. Но ведь то Елена Васильевна: ее благородство, утонченность чувств всегда были для Леры таким недостижимым образцом, с которым и сравниваться не приходилось!

– Сравнил тоже! – хмыкнула она. – Думаешь, все дети такие, как ты был? Уж во всяком случае, не Аленка! А я ей как раз слишком мало сопли вытираю...

Впервые Лера чувствовала незавершенность разговора с Митей, неудовлетворенность его словами – и сама не понимала почему. А может, это

было и неважно.

Что бы он ни говорил о том «загадочном всем», которое, по его мнению, чувствовала Лера, – сама-то она знала, что это «все» заключается в нем, что вся ее душа принадлежит ему. Она вообще только недавно хоть немного привыкла к тому, что в Митиной жизни так много своего, отдельного, ей непонятного.

Так что, пожалуй, и хорошо было, что работа «Московского гостя» была налажена и почти не требовала новых усилий.

К тому же Лера без лишней скромности понимала, что умеет теперь практически все, что ей необходимо для работы в бизнесе. Она всегда была проницательна, а за пять лет постоянных переговоров, контактов, контрактов и компромиссов она не только приобрела обширный круг знакомств в самых разных сферах, но и научилась насквозь видеть делового партнера со всеми его тайными и явными намерениями.

И, что не менее важно, научилась регулировать его поведение так незаметно, чтобы сам он об этом не догадался. Если, например, она замечала, что ее милый собеседник, с которым она уже, кажется, обо всем договорилась, вдруг предлагает окончательно решить вопрос завтра или лучше послезавтра, – всегда оказывалось, что именно завтра она уезжает в Лондон на конференцию или принимает своих американских партнеров, с которыми будет занята всю неделю. «Какая жалость, но вот у меня приглашение, видите, я никак не могу отказаться, график пребывания у них очень плотный, поэтому давайте все-таки завершим дело сегодня!..» Обычно в таких случаях именно назавтра Лера видела, что курс доллара изменился или произошло еще что-нибудь подобное, – и дело закончилось бы не в ее пользу, если бы она согласилась подождать.

И другие были уловки, которые она привыкла распознавать; всех не перечислишь! К тому же ей нельзя было пустить в глаза пыль ни роскошным приемом, ни изысканными комплиментами. И подавить ее волю было невозможно. С людьми, пытавшимися это сделать, она тут же прекращала всякие отношения; все, кто имел дело с госпожой Вологдиной, отлично это знали и передавали по беспроволочному телеграфу.

В понедельник утром Лера входила в свой офис в Петровских линиях с чувством спокойного торжества. И выглядела она так, словно ей предстояла не обычная рабочая неделя, пусть и после недолгого отсутствия, а какое-то особенное событие. Костюм на ней был по-весеннему яркий, абрикосового цвета, покроем подчеркивающий плавный изгиб ее бедер, серьги и ожерелье из темного янтаря в точности повторяли цвет глаз и волос – и Лера чувствовала себя сияющей, легкой и привлекательной.

Шофер Паша нес за нею большую фотографию в небликующем стекле – «Отражение площади Сан-Марко».

– Ой, Лер! – ахнула Сусанна Азарян. – Ты где ее нашла? Это же та самая!

Память у Сусанны была феноменальная, как ей было не вспомнить фотографию, исчезнувшую в тот невеселый день!

– Да там и нашла, – весело ответила Лера. – Вернули нам с наилучшими пожеланиями.

– Ой, так Расскажи! – У Сусанны даже уши покраснели от любопытства. – Он что теперь делает?

– Потом, Суса, – сказала Лера. – Зайдешь ко мне, как только с «Бастом» побеседую, – все расскажу.

С Сусанной она собиралась поговорить не только об Андрее Майбороде. Поразмыслив, Лера решила, что именно та будет вести всю Африку, а это было важно на волне нарастающего спроса.

Но руководитель строительной фирмы «Баст» – это было еще важнее. Лерин въездной туризм был связан со строительством коттеджей в живописных и нехоженных местах, которые больше всего привлекали иностранцев, поэтому она отлично знала, как сильно зависит от подрядчика.

Единственное, что было в этом не слишком приятно: как только дело касалось строительства, Лере сразу вспоминался Стас Потемкин – ее первый подрядчик, отношения с которым едва не обернулись для нее трагедией. И хотя не со

строительством были связаны эти отношения – все равно вспоминались помимо воли...

Так и полетел ее обычный день, и необычным в нем был только беспричинно счастливый свет Венеции на возвращенной фотографии.

Африка не вызвала у Сусанны особенного восторга.

– А еще говорят, людям живется тяжело, – скривилась она. – По-моему, живется им прекрасно, раз в Африку ездят!

– Да ведь не все ездят, – улыбнулась Лера Сусиной привычной ворчливости.

– Сама же говоришь, спрос растет, – не согласилась та. – Нет, я этого понять не могу! Хочется тебе солнца – поезжай в Испанию, на Кипр, да мало ли куда! Слона со львом посмотреть – пойдешь в зоопарк, не хуже вонь, чем в Африке. Так нет – ни лихорадки их не пугают, ни всякая дрянь ползучая!

– Кстати, о лихорадках и дряни, – заметила Лера. – Об этом мы с тобой потом отдельно поговорим. Каждый будет бумагу подписывать о том, что все знает, обо всем предупрежден. Хотят люди ехать – на здоровье, но к нам чтобы никаких потом претензий не было.

– Да ну их, – скорчила смешную гримаску Сусанна. – Их предупреждай, не предупреждай... Вот два дня назад – приходит соплячка лет двадцати, вся в Версаче с головы до ног, на шее кулон килограммовый с брюликами. Мой босс, говорит, желает в Африке неделю отдохнуть, но требования у него специфические. Чтобы каждый день новая девочка, и не старше шестнадцати лет, и каждый день на новом месте, но везде пять звезд! Как тебе это понравится?

– И что ты ей ответила? – заинтересовалась Лера.

– Ну, что... Не матом, конечно, хотя и хотелось. Вежливо так объяснила, что мы секс-туризмом не занимаемся. А она хихикает: никто не занимается, но нигде еще не отказывали...

Лера расхохоталась.

– Да ведь это, может быть, вообще журналистка была! Мне Валик Стар рассказывал, они для своей газеты такую подлянку организовывали. Точно, ходила дамочка, выясняла расценки на секс-туры, а потом – пожалуйста, статья на полполосы. Ну, неважно. Значит – Африка, Суса. Читай Экзюпери, готовься!

– Да ну тебя с твоим Экзюпери, – махнула рукой Сусанна. – Я уже вышла из этого возраста!

Глава 5

Что бы Митя ни говорил, Лера не считала себя особенно хорошей матерью. Конечно, Аленка не была обделена домашним теплом, но Лера понимала, что это в основном не ее заслуга. Она вообще представить не могла, что было бы, если бы мама не занята была только Аленкой.

Иногда Лера просто удивлялась: она так мало бывает с девочкой, как еще сохраняется в ее дочке веселая любовь к ней? Та, которую она впервые почувствовала на речке Подкаменке, когда рыба уходила в прозрачную глубину, а Аленка спрашивала, есть ли у рыбки дети...

Но это была еще одна загадка любви, а загадок любви не разгадать, это Лера знала. Можно только радоваться их существованию.

И теперь она думала о другом... Думала смущенно и даже со страхом – именно потому, что не считала себя хорошей матерью. Считать не считала, а ребенка родить хотела.

Это было то, о чем она думать не могла без трепета – Митин ребенок, ребенок от человека не просто любимого, но любимого до боли в сердце, до невозможности дышать без него...

Она представить не могла, как это будет, что будет происходить с нею, с Митей, с Аленкой. Внешне, наверное, это было просто, это происходило с тысячами

женщин, и, пожалуй, никто не понял бы Лериных волнений. Ну подумаешь, ребенок от второго мужа, который прекрасно относится к дочери от первого брака! Какие здесь могут быть проблемы?

Но Лера чувствовала другое: трепетность того, что связывало ее с Митей, несовпадение внешних и внутренних проявлений любви. Внешне у них все именно и было просто, даже сдержанно, но внутри... Даже ей, с ее потребностью сильных чувств и способностью к ним, трудно было выдержать то напряжение, ту непонятную тревогу, которые никогда не ослабевали между нею и Митей.

Отчего так мучительны были даже короткие расставания – это для них-то, знающих друг друга сто лет, привыкших к постоянным разъездам и разлукам? И эти метания то в жар, то в холод, когда Лере то казалось, что души их сливаются воедино, то она чувствовала Митину совершенную от нее отдельность?

Она никогда не могла понять его до конца, как не могла понять, в себя вместить музыку, только интуитивно ее ощущая. Митя весь был словно скрыт от нее прозрачным куполом – и Лера боялась этого.

Иногда она пыталась ему об этом сказать, но он только смеялся, делал вид, что не понимает, – и все равно ничего не объяснял.

Лера помнила, как забеременела от Кости; ей тяжело было об этом вспоминать. Он всегда говорил, что не к спеху, что с ребенком надо подождать. И вдруг, именно в тот момент, когда Лера только-только начала хоть немного приводить в равновесие материальную сторону жизни, о которой Костя вполне искренне не думал, – он заявил, что пора...

Лера помнила тогдашнюю свою неловкость. В самом деле, почему бы и нет, они уже пять лет женаты, все у них нормально, работа работой, но надо ведь рожать... А потом Костя ушел – так же внезапно, как потребовал ребенка, и еще прежде, чем Лера успела сообщить ему о беременности.

Весь он был в этом – с его наивностью, инфантильностью, слабостью в реальности и талантливостью в абстракциях жизни.

Аленка была плодом инерции любви или даже иллюзии любви, это Лера теперь понимала. Наверное, это и было настоящей причиной вечного ее стыда перед дочкой, которого она не могла объяснить даже Мите.

Она хотела от него ребенка, это было одно из самых сильных ее желаний. А в последние несколько недель это стало не только желанием – и сердце у Леры замирало.

Ее охватила такая робость, что она даже к врачу боялась пойти. Но пойти было необходимо, и как можно скорее. Лера не была паникершей, но сейчас ей приходили в голову самые невероятные мысли. А вдруг из-за кесарева при первых родах ей теперь нельзя рожать? А вдруг у нее вообще что-нибудь не так? Да и беременность ли это еще – может быть, просто какое-нибудь недомогание...

– Ну конечно, Лерочка! – улыбаясь, сказала старая докторша Вера Кирилловна, к которой Лера ходила еще со студенческой поры. – Очень славная беременность, семь недель. Да что с тобой? – удивилась она, заметив испуг в Лериных глазах. – Ты не рада?

– Рада... – выдавила Лера. – А... вы думаете, все будет нормально?

– Почему же нет? Конечно, снова кесарево придется делать, но ничего страшного. Сейчас, правда, пытаются второй раз самостоятельно рожать... Но я не сторонница – зачем рисковать? Значит, когда рожать мы будем?.. Та-ак, сейчас у нас июнь, считаем. – Вера Кирилловна придвинула к себе календарик. – В январе, Лерочка? Вот и хорошо, вот и прекрасно – снег, солнце... Мороз и солнце, день чудесный, а?

Вера Кирилловна улыбнулась так радостно, словно Лерина беременность была первая, которую ей приходилось наблюдать. Она вообще была спокойная, вся какая-то уютная, как домашние тапочки, – и Лера тоже успокоилась немного. В самом деле, о чем переживать! В конце концов, можно куда угодно поехать рожать, хоть в Европу, хоть в Америку. Жизнь ее теперь устроена, ничего не может помешать.

Но душа у Леры в этот день была неспокойна, и она сама не понимала, почему.

Впрочем, беспокойство бесследно прошло уже на завтра и больше не возвращалось – совсем наоборот.

«Точно мальчик! – думала Лера, просыпаясь по утрам. – С Аленкой ходила – глотка воды не могла выпить, так тошнило. А теперь, значит, мальчик!»

Токсикоза у нее действительно не было, зато сердце колотилось так, что едва не выпрыгивало из груди. Будет мальчик, Митин сын, во всем на него похожий – и руки такие же, и глаза с такой же тайной в уголках... И все-таки будет совсем другой – их сын.

Она боялась и хотела об этом думать.

Лера даже прислушивалась на всякий случай: не зашевелится ли он? Хотя уж это-то было совершенно невозможно в семь недель, она точно знала!

Курить она бросила в один день и без тени сожаления – правда, Митину пепельницу все равно носила в сумочке. Зато аппетит у нее прорезался такой, что она сама себе удивлялась. Ей хотелось есть постоянно, даже ночью – просто представить невозможно, до чего прожорлив был этот мальчишка! Лера то и дело жевала какие-нибудь фрукты, или мясо, или овощи, с удовольствием отмечая про себя, что даже не полнеет от этой беспрестанной еды. Значит, все идет мальчику.

В один прекрасный день ей даже не хватило обеда, который ежедневно приносили сотрудникам «Московского гостя». Обед был довольно вкусный, но слишком уж, по нынешнему Лериному аппетиту, европейский: салатик, отбивная на косточке, маленькая горка картошки-фри.

Вздыхнув, Лера обглодала косточку и отнесла тарелку на кухню, оборудованную в угловой комнате уютного «бабского» офиса. Жозефина Ивановна Михальцова, надежнейшая ее заместительница, мыла яблоко над никелированной мойкой.

– Зось, я что-то не наелась, – почти смущенно сказала Лера. – Что это нам обеды такие микроскопические приносят?

– Ничего себе! – удивилась Зоська. – Никто пока не жаловался. Наоборот, говорят, слишком калорийно, для фигуры вредно.

– Да нет, я тоже не жалуясь... Но знаешь, пойду, пожалуй, перехвачу еще что-нибудь, – сказала Лера. – В новом этом ресторане на Трубной мясо, говорят, вкусно готовят.

– Что это с тобой? – Зоськины и без того круглые, как у птички-синички, глаза стали еще круглее. – После обеда – в ресторане обедать?

Зоська тем тщательнее заботилась о фигуре, чем меньше делалось ее желание выйти замуж. Она регулярно ходила на занятия шейпингом в своем феминистском клубе и не раз говорила Лере, что женщина должна выглядеть изящно исключительно для себя, и мужики здесь совершенно ни при чем.

Лера всегда с ней соглашалась. Действительно, выглядеть надо на все сто, она и сама не могла себе позволить бесформенной талии или второго подбородка. Что ж, если ей самой легкий, как рисунок пером, облик дан от природы? А другим приходится для этого работать.

Но сейчас ей хотелось есть и было не до талии.

– Я через часок вернусь, – сказала она полуизвиняющимся тоном. – Вроде сегодня никого больше не жду... Ну, если кто объявится вдруг – скажи, что я в посольство какое-нибудь поехала. А если Стрепет будет спрашивать – что завтра буду у него в девять пятнадцать, хорошо?

Ресторан, совсем недавно открытый на Трубной, оказался небольшим, в старинном шотландском стиле. И камин был – правда, сейчас он не топился, но все равно создавал уют.

Лере рассказывал об этом ресторане Валентин Старогородский – Валик Стар, давний ее знакомый. Валик давно уже бросил свою прежнюю репортерскую работу и теперь вел на московском телеканале передачу «Москва кабацкая», из-за чего именовался ресторанным критиком.

Лера прошла через полупустой зал к столику в углу, заметив мимоходом, что пол в зале вымощен булыжниками, как старинная мостовая.

Она нашла в меню бифштекс с кровью и тут же заказала его, усмехнувшись собственной кровожадности. Видно, мальчик ее был не из вегетарианцев!

– Только поскорее, пожалуйста, – попросила она вежливого молодого официанта. – Я с работы убежала, время не ждет.

Лера сидела вполоборота к залу и все-таки краем глаза заметила, как сидевший к ней спиной в противоположном углу мужчина, услышав ее голос в полупустом пространстве, – вздрогнул, замер и медленно обернулся. Она инстинктивно повернула голову, ощутив его к себе интерес, – и замерла сама, чувствуя, как немеет, леденеет и покрывается холодным потом.

Прямо на нее, отделенный несколькими метрами пустого зала, смотрел Стас Потемкин.

Лера схватилась за край стола так, что пальцы побелели – как будто могла утонуть и цеплялась за обломки корабля. Поочередно звякнули о край тарелки Стасовы нож и вилка. Он смотрел прямо на Леру, и она глаз не могла отвести от его тяжелого взгляда.

Стас встал, уронив с колен салфетку, и медленно пошел через зал к Лериному столику. У нее не было сил для того чтобы встать, и все-таки она отшатнулась, едва не упав вместе со стулом.

Стас качнулся вперед и поддержал стул.

Он остановился рядом, словно не решаясь ни сесть, ни отойти, и молча смотрел на Леру, держа руку на спинке ее стула. Это было страшное для нее, тягостное молчание, но еще страшнее было представить, что вот сейчас он что-то скажет и она что-то ответит...

– Садись, Стас, – сказала Лера, не узнавая своего голоса. – В ногах правды нет, садись.

Она не думала, что сможет с ним говорить – но говорила. Хотя она ведь и прежде не всегда могла сказать заранее, на что окажется способна при определенных обстоятельствах... Возвышающийся над ее столом Станислав Люцианович Потемкин как раз и напомнил ей об этом.

Впрочем, не так уж он и возвышался. Неожиданно для себя успокоившись, Лера словно увидела его яснее – и поразилась произошедшей с ним перемене. Когда-то, два года назад, Стас казался ей высоким, массивным и внушительным – теперь ей показалось, что даже плечи у него стали узкими.

Лера никогда не спрашивала, сколько ему лет, но предполагала, что чуть за сорок. Теперь перед нею стоял мужчина под шестьдесят, выглядящий ровно на свой возраст. Даже подбородок его, когда-то тяжелый, чувственный и мужественный, придавал ему теперь сходство со старым бульдогом – наверное, из-за обвислых щек.

– Сяду, если разрешаешь, – сказал он наконец, отодвигая соседний стул. – Правда можно?

– Правда, – кивнула Лера.

Она не понимала, что с нею происходит. Ладно – Андрей Майборода, он был необременительным и даже приятным воспоминанием, и к нему можно было испытывать жалость. Но Стас... Герой ее ночных кошмаров, человек, похитивший Аленку, чтобы получить ее, Леру... И те страшные часы в его спальне, его тяжелое тело, его неутомимость – все, после чего она не могла и не хотела жить... Что было бы с ней тогда, если бы Митя вовремя не выбил дверь в ванную?..

И вот теперь Лера смотрела на постаревшего, погрузневшего Стаса Потемкина – и страх ее проходил, по мере того как она вглядывалась в его лицо. Страх сменялся странным чувством, которое не было ни жалостью, ни отвращением.

– Не знаю, что и спросить. – Стас потер лоб ладонью. – Как дела – вроде неловко...

– А другое что-нибудь – ловко? – усмехнулась Лера.

– Да, правда... Можно, я у тебя выпью за столом?

Стас вскинул на нее глаза, ожидая ответа.

– Мне все равно, – пожала плечами Лера. – С каких пор ты стал спрашивать разрешения выпить?

Официант принес Лере бифштекс, поставил прибор для Потемкина, налил ему водку.

Лера смотрела, как мелькают над столом руки официанта, как булькает в рюмке водка; в таком состоянии, как сейчас, она всегда замечала мелочи.

Потемкин торопливо опрокинул рюмку и достал из золотого портсигара «беломорину». Лера заметила, что руки у него дрожат.

– Опять на «Беломор» переключился? – без интереса спросила она.

– Да, Сибирь подействовала... Вспомнил молодость. Я же в Сибирь уехал, когда...

– Прекрати, – поморщилась Лера. – Мне неинтересно, куда ты уехал и что ты делал.

– Не могу, Лера! – сказал он вдруг с такой страстью, которой, казалось, невозможно было ожидать от него – обрюзгшего, тяжелого. – Не могу больше в себе держать! Я же только вчера приехал – и все хожу кругами... Во двор твой вечером заходил... Я только для того и приехал – тебя увидеть...

– Вот что, Стас, – сказала Лера, глядя прямо ему в глаза своими сузившимися беспощадными глазами. – Если ты еще произнесешь что-нибудь на эту тему, я тарелку разобью о твою голову.

– Разбей! – тут же согласился он. – Господи, да я только рад буду. Что тарелку – голову разбей, спасибо тебе скажу! Я же, Лера... Нет, ты послушай, минутку только послушай! – воскликнул он, заметив ее протестующий жест. – Я понимаю, простить ты меня не можешь, и не прошу. Я только сказать хочу: ты не думай, что я от всех ушел, как колобок. То есть да – как колобок и ушел – от бабушки, от

дедушки. А лисица меня – гам! – и съела... Никуда я не ушел, Лера! Не знаю, может, он и будет еще, высший суд какой-нибудь. А по мне – так я его уже прошел. Ты минутку только послушай! – торопливо повторил он, снова опрокидывая рюмку. – Ты если б знала, что со мной творилось тогда – ну, когда ты сказала, что меня не любишь и со мной не будешь. Со мной же такого в жизни никогда не было – чтоб любить, я же знать не знал, что это за дело такое... Говорил, что хочу тебя – так ведь и сам так думал! Я всего в жизни только хотел, Лера, не больше. Так хотел, что аж зубы ломило, получал – и успокаивался, и вперед, к новым свершениям. Ну и думал, что и тебя так же... И ночами уснуть не мог, все ты мне мерещилась, и любой бабы мне мало было. Что ж я еще мог думать? Что надо тебя добиться, получить – и дело в шляпе! Ну, и добился... А потом – господи! Врагу не пожелаю... Вроде с правосудием все наладил: Аслан в Чечне, Роза в депрессии – говорит, как лунатичка, что велят, сама в тюрьму рвется. Ушел, в общем, колобок. А оно-то потом только и началось... Что там мои бессонницы прежние, когда о тебе мечтал, чтоб пришла хоть на полчаса! Это еще, можно сказать, и приятно даже было. Вот потом... Не поверишь, в Сибири вообще ведь спать перестал, а это ж какая пытка, ты подумай – при Сталине даже...

– Не рассказывай ты мне про свою бессонницу, – тихо сказала Лера. – Не хочу я твои страдания понимать, Стас, и не буду.

– Я понимаю. – Весь он тут же сник, словно съезжился. – Я понимаю, каково тебе было, я ж не такой уж подонок... Хоть не тебе бы, конечно, про это от меня слушать! Но все-таки... Я же на самом деле ничего плохого девочке твоей не хотел, – снова заторопился он. – Думал, ты ко мне придешь – и все... Кто ж мог знать, что Аслан такой сволочью окажется? Ладно, чего уж теперь, – оборвал он себя и снова взялся за бутылку. – И правда, это теперь неважно – подонок я или нет, бессонница у меня или там что. Я только сказать тебе хотел: если б я знал, что это и есть любовь, что она вообще бывает – все по-другому бы было... Но ты все-таки знай, я тебе обязательно сказать хотел, чтобы ты знала: ничего мне даром не прошло, Лера. Может, это и правда божий суд, может, что еще... Но уж точно оно при жизни бывает, не потом, это я на себе убедился. Даже «Преступление и наказание» прочитал, вот до чего дошел! – усмехнулся он. – Все понять хотел, отчего жизнь моя в такое говно превратилась... Пустой я стал, Лера! Пустой, без желаний, без чувств. Сильно я умел хотеть – вот, видно, потому мне и вышло наказание: чтоб ничего не хотеть. Ты вот сейчас испугалась. – Он тяжело покачал головой, предупреждая Лерины возражения. – Испугалась, испугалась, я видел – что опять тебя домогаться стану... Нечего тебе теперь бояться. Ничего я не хочу, Лера, даже тебя. Такое, значит,

наказание – пустота.

Лера смотрела на него и по-прежнему не чувствовала ни жалости, ни отвращения. Но теперь она начинала догадываться, что же все-таки чувствует...

Неумолимая, неожиданная и неотменимая правда жизни стояла в Стасовых пустых глазах. Лера поняла, что с ним произошло, – поняла сквозь путаную его, сбивчивую речь. И в это же мгновение поняла то, что было для нее важнее, чем Стас с его наказанием и пустотой: поняла, что это прошлое больше над нею не властно. Что больше не будет страшных воспоминаний при виде какого-нибудь ни о чем не подозревающего строительного подрядчика. И не надо будет повторять про себя: «Это кончилось», – чтобы не дрожали руки... Ничего этого не будет!

А что будет – она не знала. Знала только, что сделает сейчас.

– Я должна идти, Стас, – сказала Лера, не глядя на него. – Бог тебе судья – все, что я могу тебе сказать. Да ты это и сам знаешь.

Она положила деньги у тарелки с нетронутым бифштексом и, не оглядываясь, пошла к выходу.

«Хорошо, что встреч на сегодня больше не назначено, – мельком подумала Лера, выходя из ресторана и доставая из сумочки телефон. – Хотя – все равно».

Это было последнее, что ей надо было сделать: позвонить Зоське, чтобы ничего больше не мешало.

И бежать по летним улицам, по бульварам и Большой Никитской – к Мите, к Мите!

Глава 6

Тридцатилетняя Лера, мать пятилетней дочери, понятия не имела о том, как говорят мужчине о будущем ребенке. Да и откуда ей было это знать? Костя

когда-то вообще узнал об Аленкином существовании случайно, и не от Леры. И даже не высказал желания увидеть свою дочь.

А у своих дворовых, университетских, а тем более бизнесменских приятельниц ей и в голову не пришло бы спросить о подобном. Ну, сказали бы, что все было просто: «Милый, у меня задержка, кажется, залетела, ты рад?» – «Конечно!» – восклицает он и подхватывает жену на руки. Или: «Ты с ума сошла!» – и просит поскорее сдать анализы на аборт.

К Лере все это не имело отношения, и она до сих пор ничего не сказала Мите – потому что не знала, как об этом сказать...

И вот теперь, посреди рабочего дня, она торопливо шла, почти бежала по Большой Никитской к консерватории, где Митя сегодня занимался со своими студентами.

В консерватории Лера бывала только на концертах в Большом зале – да и то, правду говоря, не слишком часто. И ей было немного странно идти по коридору, прислушиваясь к обрывкам музыкальных фраз, доносящимся из-за дверей, и даже пытаться угадать, не Митя ли там играет.

Но угадать она, конечно, не могла и просто приоткрыла дверь аудитории, проставленной в расписании напротив его фамилии.

Митя сидел к ней спиной, а лицом к скрипачу, и Лера не видела его глаз. Но она всегда безошибочно чувствовала его удивительное, никому больше не присущее внимание – лучи его внимания, в которых чья угодно душа раскрывалась так доверчиво...

Совсем молоденький кудрявый скрипач – наверное, из вундеркиндов – играл, Митя слушал, чуть наклонив голову. Лера остановилась у приоткрытой двери, не решаясь сделать больше ни шагу.

Как она могла прийти сюда? Что она скажет ему здесь, оторвав его от этих звуков, к которым он прислушивается весь, и вдруг потребовав, чтобы этот ясный луч его внимания направился на нее?

Мальчик играл очень красиво и, судя по вдохновенному, живому выражению его лица, самозабвенно. Но в его игре, которую Лера не могла, конечно, оценить по-настоящему, все-таки было то, что она ощутила сразу: какое-то едва уловимое тщание, старание сыграть виртуозно. Она никогда не чувствовала этого, когда играл Митя, потому и почувствовала теперь, по контрасту.

Скрипач закончил, опустил смычок. В наступившей тишине Митя услышал поскрипывание двери и обернулся.

– Что-нибудь случилось? – спросил он, глядя на Леру без удивления, но с едва заметной тревогой. – Лера, что с тобой?

– Нет, Мить... Дмитрий Сергеевич, ничего, – растерянно ответила Лера.

Она никогда не видела его в аудитории – и растерялась. Митя был совсем другой, совсем непривычный рядом с этим ожидающе глядящим на него мальчиком. И непохожий на себя такого, каким бывал на концертах – хотя и там он всегда был разный.

Лера не могла даже назвать то, что вдруг почувствовала в нем. Это не была солидность или многозначительность – совсем другое... Какая-то спокойная сосредоточенность на том, что ей было совершенно недоступно.

– Ничего не случилось, Дмитрий Сергеевич, – повторила она, совсем уж по-дурацки пятясь за дверь.

– Леня, отдохни пять минут, – сказал Митя и вышел вслед за нею в коридор.

Они дошли до конца коридора и остановились у широкого, давно не крашенного подоконника.

– Ну, скажи мне. – Митя взял ее за руку. – Что у тебя произошло?

Лера набрала побольше воздуха, как будто собиралась выпрыгнуть в по-летнему приоткрытое окно.

– Митя, я... Мы... – пробормотала она. – Я хочу родить мальчика, ты знаешь?

Это прозвучало так испуганно и, наверное, так непонятно, что даже он не догадался, о чем она говорит.

Митя рассмеялся, наморщив нос.

– Ну, подружка, я готов, но давай все-таки дойдем до дому, а? Здесь как-то неудобно, хоть подоконник и широкий...

– Нет, Митя! – Лера не выдержала и тоже улыбнулась, услышав про широкий подоконник; напряжение отпустило ее само собою. – Ты не понял – я говорю, что зимой рожу сына.

Он так побледнел, что Лера испугалась; вся кровь отхлынула от его лица.

– Что ты, Митя? – прошептала она.

Вообще-то она знала, что с ним такое бывает в минуты очень сильного волнения: лицо не меняется, но мгновенно становится совершенно белым, непроницаемым. Но это бывало с ним только в тяжелые для него минуты, когда всей его сдержанности не хватало, чтобы оставаться внешне спокойным...

Лера не знала, что это значит сейчас.

Неожиданно он сел на пол у стены и обхватил голову руками.

– Митя... – Лера присела рядом с ним, пытаясь заглянуть в его глаза. – Митя, может быть, ты не хочешь...

Он поднял на нее глаза – и тут же взгляд его скрылся снова: Митя прислонился лбом к ее плечу.

– Я не хочу!.. – произнес он; голос его звучал глухо. – Что же тогда значит – хотеть...

Они сидели неподвижно на полу возле подоконника, и Лера чувствовала, как стремительно бьется жилка на Митином виске, прижатом к ее плечу.

– Посиди со мной, – вдруг попросил он, снова поднимая на нее глаза. – Посиди со мной, прошу тебя... Леня хороший, талантливый, тебе не будет скучно. Да мы с ним и закончим скоро, и я тебе сам поиграю немного, а?

Лера кивнула, не в силах произнести ни слова; горло у нее перехватило так, что она едва могла дышать.

Митя не сказал ничего – ничего, что она ожидала услышать, – но он сказал все; больше сказать было невозможно.

Глава 7

Простота счастья – это и есть то единственное, чего хватает на целую жизнь.

Даже ожидание будущего, которое всегда было в Лере и которое теперь еще усилилось из-за беременности, – даже это ожидание не могло затмить для нее настоящего.

Лера теперь видела жизнь так пронзительно и светло, как никогда прежде, и ее удивляло и восхищало собственное новое зрение.

Мама, конечно, обрадовалась, узнав о мальчике.

– Дай бог, Лерочка, дай вам бог! – сказала она, всхлипывая. – Кому же, как не вам... А что Вера Кирилловна говорит? – тут же поинтересовалась она. – Надо бы тебе самой за рулем не ездить – по-моему, это вредно. И отпуск ты не брала, нельзя же так! Экология какая в городе, пыль... Тебе теперь нельзя только о себе думать!

– А сама? – укоризненно сказала Лера. – Кто таблетки американские не пьет?

– Да что мне эти таблетки, детка! Второго внука бы дожидаться – и на том спасибо...

У Леры сердце сжималось, когда она слышала мамины интонации – старческие, совершенно незнакомые. Раньше она никогда не задумывалась о том, что мама родила ее поздно и теперь ей уже семьдесят лет, а здоровье у нее всегда было плохое...

Особенно пугала Леру какая-то странная отрешенность, которую она совсем недавно почувствовала в матери. Надежда Сергеевна всегда так живо интересовалась ее делами, так непосредственно возмущалась и радовалась, что Лера сразу заметила произошедшую в ней перемену.

Теперь мама то и дело замирала, присев где-нибудь в комнате или на кухне, смотрела прямо перед собой остановившимися глазами, и даже шумная Аленка не могла вывести ее из этого рассеянного оцепенения.

Аленке Лера не хотела заранее говорить о будущем ребенке, но, видно, проговорила Надежда Сергеевна.

Они сидели на диване в маминой квартире, в Аленкиной комнате. Лера расчесывала мокрые после купания дочкины волосы.

– Мам, а правда, что ты мальчика собираешься родить? – вдруг спросила она.

Это было вечером, Мити, конечно, еще не было. Лера почему-то испугалась дочкиного вопроса. Вернее, не столько вопроса, сколько ее тона – недоверчивого, настороженного.

– А как бы ты хотела? – осторожно поинтересовалась она.

Аленка помолчала немного и тихо сказала:

– А я бы не хотела...

– Но почему, Аленочка? – Лера едва не заплакала, услышав этот ответ.

– А вот потому! Потому что Митя тогда будет его папа и его будет любить, и ты тоже! А я тогда как же?

Лера так расстроилась, что даже расческа задрожала в ее руках, путая длинные Аленкины волосы. Она принялась уговаривать дочку, рассказывать ей, какой мальчик будет маленький и как они все вместе будут его любить, и Аленку, конечно, тоже, и ничуть не меньше. Но та сидела надутая, обиженная и едва не плакала.

– Он маленький будет, а я большая! Его будут любить, а меня нет! – твердила девочка, и переубедить ее было невозможно.

Она немного успокоилась только когда Лера сказала наконец, что все это будет еще очень не скоро. С этим Аленка и уснула.

Лера едва дождалась Митиного возвращения и выбежала из квартиры, как только заметила, что он входит в свой подъезд.

Она сама едва не плакала, когда растерянно рассказывала Мите о неожиданном разговоре с Аленкой.

– Что же делать? – спросила она наконец. – Я ей все сказала, ну просто все, что могла придумать, а она все равно не верит!..

– Да ведь это просто, – сказал Митя – любимая его фраза! – Это же так просто, подружка, ну отчего ты так расстроилась? Конечно, говорить – без толку, что ей наши слова! Но она сама все поймет, неужели мы не сделаем так, чтобы она поняла? Вот увидишь, это у нее пройдет через две недели, можешь мне поверить.

– Я тебе верю, Мить, – шмыгнула носом Лера. – Но я так от этого растерялась...

– А ты не теряйся, – посоветовал он. – Не теряйся и не ищи сложностей там, где их нет. Она хорошая, чуткая девочка, мы ее не обманываем – о чем же переживать? Это просто ревность, разве тебе она не знакома? Пройдет!

Ревность Лере была незнакома, и ей оставалось только, как всегда, поверить Мите.

Тем более что причины для тревоги вскоре нашлись, и более серьезные, чем Аленкина ревность.

Сначала Лере казалось, что это просто от жары. Вообще-то она любила лето в Москве, сама не зная почему. Даже когда было жарко, как в этом году, даже когда плавился асфальт и зелень становилась пыльной, пожухлой.

Была в московском лете какая-то удивительно пронзительная и чистая нота – одиночества, что ли? – и Лера ее чувствовала.

Но теперь июльская жара ее измучила. Уже к обеду голова у нее начинала кружиться, темные пятна пульсировали перед глазами, в ушах стоял звон. А главное, что-то тянуло в животе – не болело, а вот именно изматывающе тянуло, как в больном зубе.

«Придется все-таки отпуск взять, – вздохнула про себя Лера. – Уехать куда-нибудь, где попрохладнее, – в Карелию, что ли, или на Байкал?»

И на Байкале, и в Карелии на берегу лесных озер у «Московского гостя» были построены коттеджи. Лера представляла, как хорошо там можно отдохнуть – ни о чем не думая, просыпаясь под едва слышный шелест волн о берег песчаный и пустой...

И слава богу, что она не ввязалась в какой-нибудь новый проект. Работа идет себе да идет, и, для того чтобы она шла, не нужны ни рывки, ни яркие идеи – достаточно Зоськиной пунктуальности. Можно взять с собой Аленку, уехать, забыть обо всем и думать только о мальчике, о жизни, которая так прекрасна своей простотой.

Лера жалела только, что Митя не поедет с нею. Несмотря на лето и закрытие сезона, он был занят своим театром – сейчас, кажется, больше всего поисками хормейстера. А Лера и знать не знала, кто такой хормейстер и зачем он нужен – Митя только недавно ей объяснил...

– Ну конечно, надо уехать, – сказал Митя, когда Лера сообщила ему о своих планах. – Я и сам хотел тебе предложить. Правда, я о даче думал – может быть, нам дачу снять или купить?

– А правда! – тут же обрадовалась Лера. – Как это я об этом не подумала? И не надо бы ездить далеко...

Не думала она об этом только потому, что Митя был занят с утра до вечера и, значит, на даче жить все равно не стал бы. А Аленка уезжала с мамой на лето в Малаховку к тете Кире, маминой двоюродной сестре. И зачем в таком случае дача?

– Ты подумай и мне скажи, – заключил Митя. – Как там мальчик поживает?

Когда он спрашивал о мальчике, голос у него был спокойный. Сначала Лера даже обижалась на это спокойствие. Все-таки первый его ребенок, а ему уже тридцать пять, мог бы и повзволнованнее быть! А потом ей пришлось устыдиться своей обиды...

Лера проснулась ночью, непонятно почему. Была уже даже не ночь, а начало рассвета; в окне стояла ранняя летняя синева. Она почувствовала, что Митя не спит, хотя он лежал неподвижно. Он не шевелился, но рука его, лежащая на Лерином животе, вздрагивала – и Лера даже испугалась, почувствовав беспокойство его пальцев.

– Мить, что с тобой? – спросила она, приподнимаясь на локте. – Ты отчего такой?

Он помолчал, не глядя на нее, потом сказал извиняющимся голосом:

– Ничего, родная моя. Сон увидел тревожный, проснулся. Хотел его послушать – мальчика...

– Да он же еще не шевелится! – удивилась она. – Еще же рано, Мить, десять недель всего.

– Все равно. Я послушаю, хорошо?

И она замолчала, легла, почему-то сдерживая дыхание. Что-то серьезное, неназываемое было в его голосе, а еще больше – в чутком трепете его пальцев...

Байкал, Карелия, дача – все это было хорошо, но тянущее ощущение внизу живота не проходило, и для начала Лера отправилась к Вере Кирилловне.

– Давай-ка, Лерочка, в больнице лучше полежим, – сказала она, моя руки после осмотра.

– В больнице? – Лера испуганно посмотрела на докторшу, но та всегда была невозмутима, и ничего нельзя было понять по выражению ее круглого морщинистого лица. – Зачем это еще – в больнице?

– А зачем нам лишний риск? – ответила Вера Кирилловна. – Работа у тебя нервная, ты бегаешь целый день, а для ребеночка это нездорово. Надо тебе спокойно полежать, двигаться поменьше.

А всем беременным советуют побольше двигаться, это Лера точно знала! И испуг ее усилился, несмотря на спокойный докторшин тон.

– Ладно, – сказала она, сдерживая дрожь в голосе. – А долго лежать?

– Там понаблюдают как следует и скажут. – От Веры Кирилловны невозможно было добиться того, что она говорить не хотела. – Ты вообще поменьше в медицинские дела вникай. Твое дело – слушаться врачей и родить здоровенького ребеночка!

Так вместо прохладной Карелии Лера оказалась в больнице, на широкой кровати с поднимающимися по мере необходимости изголовьем и изножьем.

Больница располагалась на Ленинском проспекте и считалась престижной. В советские времена здесь рожали высокопоставленные дамы, а такие традиции обычно сохраняются. Но лежать в платном отделении здесь было так же скучно, как в любой другой больнице, особенно в гинекологии. Хотя, конечно, неплохо, когда в палате душ, телевизор и нет тараканов.

Лера так и не поняла, почему ее положили в больницу. Кажется, это вообще было здесь негласным правилом: не сообщать больным, в чем состоит их болезнь. Назначили таблетки, название которых ничего ей не говорило. Лера послушно пила их сначала, а потом перестала: вдруг подумала, что таблетки

могут только повредить ребенку. Пить перестала, а чувствовала себя точно так же, как и с таблетками, и поэтому решила, что поступила совершенно правильно.

И лежала до одурения, до отвращения ко всякой горизонтали. Кажется, лежать – это действительно было единственное, что от нее требовалось.

Считалось, что Лера лежит в отдельной палате. Она и заплатила за отдельную, хотя кроватей в палате было две – просто потому, что в день ее появления одноместные все были заняты.

Поэтому она удивилась, когда на третий день в дверях появилась миловидная девушка лет восемнадцати с большой прозрачной сумкой в руках и радостно произнесла:

– Здравствуйте, меня зовут Вика. Я раньше в отдельном номере лежала, но там такая скука, просто ужас! Я к вам попросилась, можно? А цену вам пересчитают, я уже договорилась.

Она была невысокая, но очень ладненькая; о таких говорят: все при ней. Волосы у Вики были светло-русые, длинные и пушистые, глаза серые, носик маленький, скулы высокие – одним словом, она являла собою тот тип красоты, который – Лера знала – неизменно нравится мужчинам и визажистам.

– Вы же все равно уже здесь. – Лера невольно улыбнулась ее непосредственности. – О чем же теперь спрашивать?

Она подумала, что придется, пожалуй, перебираться в другую палату: Лера уже давно вышла из того возраста, когда ей могло быть интересным общение с Викой.

Но неожиданно выяснилось, что Вика совсем не так навязчива, как это могло показаться с первого взгляда. Да она и сама объяснила немного оправдывающимся тоном:

– Ты не думай, Лера, я не болтушка! Я вообще молчать могу сутками, если надо.

– Что значит – надо? – удивилась Лера. – Ты что, разведчица в тылу врага?

– Да нет... – протянула Вика. – А просто с моим Колей поживешь – еще не тому научишься...

Лера видела, что Вике хочется рассказать о странностях своего Коли, но ей-то как раз слушать об этом не хотелось, и она не задала ожидаемого вопроса.

Вика рассказала ей об этом потом, точно почувствовав минуту, когда Лера готова была ее выслушать: когда надоело смотреть в телевизор, в окно и даже в книгу, а при виде белого больничного потолка хотелось выть от тоски.

– Это муж к тебе приходил? – спросила Вика, быстро взглянув на Леру и откладывая книгу в пестрой обложке.

– Да, – кивнула она.

– А ко мне тоже – муж, – с готовностью сообщила Вика. – Правда, красивый?

– Правда, – серьезно кивнула Лера, хотя не слишком разглядывала Викиного супруга.

Кажется, он был маленький, полнеющий, с живыми карими глазами. Он принес огромную корзину цветов и еще больших размеров пакет с едой, хотя Вика ела мало.

– Вообще-то он не муж, – уточнила Вика. – В том смысле, что мы не расписаны. Но это же неважно, правда? Я так считаю, от штампа ничего не зависит. Может даже наоборот получится: только проштампуетесь, а его сразу и развестись потянет.

Вика высказала это таким глубокомысленным тоном, каким, наверное, не говорил Эйнштейн, когда открыл теорию относительности. Но при этом она смотрела на Леру такими доверчивыми, милыми глазами, что ни у кого язык бы не повернулся для насмешки.

– Конечно, – ответила Лера. – Какая разница, если он тебя любит.

– Он любит, – кивнула Вика, но в голосе ее не было уверенности. – Видишь, цветы принес... Да и вообще, он довольно внимательный...

Непроизнесенное «но» слышалось в ее тоне, и Лера все-таки спросила:

– Но – что?

– Да понимаешь, – с готовностью ответила Вика, – мы с ним так отдельно живем, просто даже грустно. Я, конечно, уже привыкла, мы уже год как живем, а все равно... Он очень умный, физтех кончил, а я же без высшего образования. И жизненного опыта у меня нет.

– Появится жизненный опыт, не переживай, – едва заметно улыбнулась Лера. – А что, он очень о твоём образовании беспокоится? Или о жизненном опыте?

– Да нет, – покачала головой Вика. – Он вообще насчет меня ни о чем не беспокоится... Мы с ним в ночном клубе познакомились – знаешь, который в театре «Ленком», – я туда случайно с подружкой пришла. А Коля с другом был, они к нам подсели за столик. Он, знаешь, веселый такой, юморной, с ним сразу интересно было. Потом предложил домой меня подвезти, а сам к себе повез. Ну, а я и не возражала. Зачем притворяться, правда? – Рассказывая, Вика быстро перебирала маленькими пальцами цветы в стоящей у кровати корзине. – И мы с ним стали жить. Он сказал, что ему со мной хорошо, потому что я ему не мешаю. И он сразу очень хорошо стал ко мне относиться, честное слово! – Вика взволнованно посмотрела на Леру. – Мне же есть с чем сравнивать, я на фармацевтическом предприятии работала, видела, как к нашим девочкам мужья относились... Он совершенно нежадный, никогда не скажет: зачем, мол, юбку такую дорогую купила, можно бы и подешевле! На Канарах мы с ним отдыхали, в лучшем отеле, в рестораны водит часто или в клубы какие-нибудь ночные...

«Отчего же тебя не водить? – подумала Лера. – Красивая девочка, лишнего не говорит – есть что показать коллегам».

Она прекрасно знала этот стиль полусемейных отношений, принятый в бизнесменской среде. У мужчин уже было достаточно денег, чтобы не беспокоиться о стоимости юбки, и все дело состояло только в том, чтобы найти подходящую девушку. Красивую – это непременно! – не слишком умную, но и не

настолько глупую, чтобы неумность свою прилюдно демонстрировать. А главное, во всем зависящую от своего благодетеля и отлично это понимающую. А если она при этом еще и любит...

Конечно, найти такую было нелегко. Москвички были слишком независимы, чтобы соответствовать подобному идеалу, а провинциалочки, приехавшие завоевывать столицу, слишком хватки и закалены жизнью, чтобы не стараться прибрать к рукам спонсора с целью скорейшей прописки.

Еще бы бизнесмену Коле не возить на Канары милую Вику с фармацевтического предприятия!

Но рассказывать все это Вике Лера, конечно, не собиралась.

– Да все у вас нормально, – успокаивающим тоном сказала она. – Сама же говоришь: любит. Ребенка ему собираешься родить. Он, кстати, как к этому относится?

– Да хорошо, – ответила Вика. – Я, говорит, достаточно обеспечен, чтобы ребенка своего содержать, как бы там дальше у нас ни сложилось...

«Вот скотина! – подумала Лера. – Мог бы хоть вслух ей свои соображения не высказывать!»

– Я же говорю, – продолжала Вика, оставляя наконец в покое цветы. – Я же говорю, меня только одно беспокоит: что я его совершенно не понимаю. Он сам по себе живет, я сама по себе. Вот недавно, как раз перед тем как меня на сохранение положили... К нам гости пришли, Колины однокурсники, у них десять лет института было. По-моему, все было очень хорошо, стол прекрасный, весело – танцевали, разговаривали... Потом они все спорить начали, и как-то, знаешь, слишком сердито, разгоряченно. Но я подумала, это из-за того что выпили. Я уже не очень хорошо себя чувствовала и пошла прилечь. Потом они разошлись, Коля ко мне зашел – и я вижу, он такой нервный, взволнованный. Я его спрашиваю: «Что с тобой?» А он: «Не могу больше! Почему я должен все время доказывать, что я не верблюд? Почему я должен, как мальчишка, всю жизнь любить альпинизм, песенки у костра, презирать деньги – тогда, значит, я хороший человек?»

«Ого! – подумала Лера. – Не так-то прост бизнесмен Коля».

Впервые она посмотрела на Вику с искренним интересом.

– Что же еще он сказал? – спросила она.

– Да вот именно, что больше ничего... Как будто споткнулся. Ладно, говорит, спи – тебе это неинтересно! А что я могу на это сказать? – Вика едва не плакала, взволновавшись рассказом. – Я же и правда ничего в этом не понимаю. Он много такого говорит, на что мне и сказать-то нечего. Он, например, раньше, когда только начинал бизнесом заниматься, книги издавал. Говорит, они Сенеку издали и еще кого-то – я забыла... А теперь он иномарки продает, у него по всей Москве магазины, и в провинции тоже есть. Его бывшие компаньоны очень ругали, когда он книжный бизнес бросил – говорили, он что-то лучшее предал... А он говорит, что на книгах вообще нельзя деньги делать: они не для этого предназначены. А машины как раз предназначены для продажи, и он, значит, занимается тем, что естественно.

– Ты очень хорошо запомнила, – сказала Лера, чтобы как-то прервать взволнованный Викин рассказ и немного успокоить ее. – По-моему, ты напрасно думаешь, будто ничего не понимаешь.

– Да просто у меня память хорошая, – не согласилась Вика. – Особенно на то, что он говорит. А ответить мне нечего. Киваю только, вид делаю, да ведь он все равно понимает...

– Не переживай, – решительно сказала Лера. – Не так уж это важно, понимаешь ты его или нет. У тебя есть другие достоинства, и он за них тебя ценит. Все у вас будет хорошо, вот увидишь!

– Правда? – обрадовалась Вика. – Ты действительно так думаешь?

Действительно Лера так не думала. Она хорошо себе представляла, что в любой момент возлюбленный автоторговец Коля может встретить женщину поумнее, которая будет знать, как успокоить его комплексы, и сможет на равных беседовать с его институтскими приятелями, а не только накрывать на стол и украшать компанию, как цветок в вазе. Но ведь может и не встретить – зачем же беспокоить Вику?

– Действительно, действительно, – сказала она. – А почему тебе, кстати, так уж мое мнение интересно?

Это она добавила, для того чтобы переключить Викино внимание на какую-нибудь менее болезненную тему.

– Ну, почему... Ты умная, образованная – вон какие книжки читаешь. – Вика кивнула на «Художников русского зарубежья», лежавших на Лерином одеяле. – И ты ведь не как жена здесь лежишь, правда? В смысле, что у тебя свое дело, свои деньги – значит, жизненный опыт есть.

Лера не выдержала и рассмеялась. Они с Викторией поговорили еще о чем-то, требующем жизненного опыта, – кажется, о послеродовой депрессии, – потом позвонил Лерин телефон, и она поболтала немного с Аленкой, потом Вика щебетала по телефону со своим Колей...

И только потом, когда Вика уже уснула, Лера поняла, отчего вдруг появилась в ней самой смутная тревога.

«А я? – подумала она. – Я-то сама, со всей своей образованностью и жизненным опытом, – что я понимаю в Митиной жизни?»

Прозрачный, непроницаемый купол, отделяющий Митю от нее, снова представился ей – и Лера постаралась отогнать от себя эти мысли.

Конечно, смешно было бы сравнивать Митю с бизнесменом Колей, и их с Лерой отношения ничего общего не имели с тем, о чем рассказывала Вика. И все-таки...

Лера думала об этом и раньше, с тех самых пор, как жизнь так неожиданно и так неотменимо привела ее к Мите. Она знала, что совсем не похожа теперь на себя прежнюю – ту девочку, которую Митя знал с детства и, как он однажды сказал, любил всю жизнь.

Той девочке все было интересно – живопись итальянского Возрождения, могила царя Леонида под Фермопилами, да мало ли что еще! Она постоянно была чем-то занята, ее воображение постоянно было чем-то поглощено, и, наверное, этого нельзя было не заметить со стороны и этим трудно было не восхититься.

Теперь этого не было; Лера ничуть не обольщалась на свой счет. Была работа, которую она выполняла с удовольствием, были заботы по дому – не слишком обременительные и не требующие особой самоотдачи. Но все это не настолько поглощало всю ее душу...

Даже читала она теперь иначе, чем в детстве и юности. Тогда ее оторвать было невозможно от книг, она проглатывала их с невероятной скоростью, выискивая все новые и новые в неисчерпаемой гладышевской библиотеке, – и каждая из них заставляла ее восхищаться, печалиться, напряженно думать и примерять ее к собственной жизни.

Теперь же, когда Лера читала, ей бывало более или менее интересно, книги по-прежнему будоражили ее ум и воображение. Но ни одна не могла бы заставить ее не спать ночами...

И что она – такая, какую стала – могла значить теперь для Мити?

Лера понимала, что спрашивать его об этом бесполезно. Скорее всего, он улыбнется, даже засмеется, скажет что-нибудь поддразнивающее – и все равно не ответит. И она не спрашивала, гнала от себя необъяснимую тревогу.

Глава 8

Вылежавшись в больнице месяц, Лера решила, что больше ей здесь делать нечего. Палатный врач, правда, считал, что лучше бы еще подстраховаться. Но Лера горячо уверяла его, что и дома будет исключительно лежать, – и врач не слишком настаивал на своем.

Кончилось лето с его изматывающей жарой, ничего у нее больше не болело, голова не кружилась, в животе не тянуло – к чему было терять здесь время? Да и «Московский гость», от которого она как-то отвлеклась за своими заботами, требовал ее присутствия. Тем более что на этот раз Лера собиралась уйти в декрет по-человечески – не так, как это было с Аленкой, когда ее увезли в роддом прямо из офиса.

Поэтому она ожидала только Митиного возвращения, чтобы отправиться наконец домой. Митя уже давно уехал вместе с оркестром – сначала в Казань, потом на фестиваль в Зальцбург, а потом в европейское турне; теперь он был в Амстердаме.

Лера дни считала до его возвращения. И потому, что по нему соскучилась, и потому, что хотелось поскорее выбраться из опостылевшей больницы. А главное, мальчик уже начал толкаться у нее внутри, и она представляла, как Митя положит руку ей на живот, как вздрогнут его пальцы...

Телефон зазвонил ночью, и в его звоне была тревога, как во всяком ночном звонке. Вика давно уже выписалась, Лера была в палате одна и не сразу проснулась, слыша во сне назойливые звонки. Да и когда проснулась, схватила трубку – не сразу поняла, почему слышит Аленкин голос.

Аленка звонила ей часто и, конечно, могла позвонить для того, чтобы сообщить, как похоже нарисовала кошку. Но не ночью же!

– Киска, что случилось? – спросила Лера, стараясь не напугать ребенка тревожными интонациями.

– Мама, бабушка заболела! – услышала она в трубке. – Я проснулась, пошла в туалет, а она мне сказала, что ей плохо... А теперь она так лежит... Мама, я боюсь!

Лера почувствовала, что все у нее внутри холодеет и сердце начинает стремительно биться.

– Лапочка, бояться не надо, – сказала она. – Ты знаешь что сделай: поднимись-ка наверх, к тете Зосе, и попроси ее зайти. А я пока вызову по телефону «Скорую», и она сразу приедет к бабушке.

– Я уже ходила к тете Зосе! – В голосе Аленки слышны были слезы. – Ее дома нет, никто не открывает.

Это было как раз то страшное стечение обстоятельств, которого невозможно было ни предусмотреть, ни избежать. Невозможно было даже требовать от перепуганного ребенка, чтобы он ломился во все соседские двери.

– Аленочка, «Скорая» сейчас приедет, – повторила Лера, стараясь говорить как можно спокойнее. – Я уже ее вызываю, не волнуйся. И я тоже сейчас приеду, слышишь? Я уже одеваюсь!

«Какая же я идиотка! – думала Лера, торопливо натягивая джинсы, на которых уже не до конца застегивалась «молния». – Зачем было ложиться черт знает куда, на Ленинский? Пока отсюда доберусь...»

Каждая минута стучала у нее в висках, пока она спускалась по лестнице с пятого этажа – как назло, ко всему еще не работал лифт, а голова у нее кружилась после месяца лежания, – пока объяснялась с вахтерами, ловила машину на пустынном проспекте...

Ей страшно было представить, что происходит сейчас дома. Ночь, Аленка, перепуганная бабушкиной неподвижностью... У Леры самой пальцы холодели, когда она думала, что же произошло.

Ей повезло, она поймала машину почти у выхода из больницы. Правда, шофер показался ей не слишком трезвым и даже пытался с ней заигрывать. Но Лерины слова о том, что она спешит к больной матери, а еще больше, наверное, ее смятенный вид – сразу на него подействовали.

– Ну, держись тогда, девушка, – сказал он. – Какой же русский не любит быстрой езды!

Лера ожидала увидеть «Скорую» у подъезда. Но двор был пуст, и только мамины окна светились в темноте.

Еще взбегая по лестнице, она услышала, что Аленка всхлипывает под дверью. Едва Лера открыла дверь, та бросилась к ней, со всего разбега уткнулась головой в живот; Лера даже не успела сдержать ее испуганный порыв.

– Мама, она совсем молчит, совсем! – в голос заплакала Аленка. – И не двигается нисколько! Я ее зову, а туда заходить боюсь...

Лера вбежала в мамину комнату, присела на край кровати. Стремительные, сумбурные обрывки мыслей проносились в ее голове.

«Боже мой, почему маму послушалась, не поставила ее на учет в нормальной поликлинике? – едва не плача думала Лера. – К участковому своему она привыкла, не хотела... Платная «Скорая» уже здесь была бы!»

– Мама, ты слышишь? – спрашивала она, прислушиваясь к дыханию Надежды Сергеевны, и голос ее, наверное, звучал так же беспомощно, как у Аленки. – Я здесь уже, ты меня слышишь?

Она десятки раз видела мамины приступы, они начались, когда Лере было лет десять, она почти привыкла к ним и обычно знала, что надо делать, и ампулы с лекарством всегда лежали в тумбочке у маминой кровати, и шприцы... Лера и сейчас торопливо выдвинула ящик, надорвала упаковку.

Но сейчас все было совсем иначе, чем всегда, это она почувствовала сразу, как только увидела мамино лицо.

Лицо у Надежды Сергеевны было такое неподвижное, каким не может быть лицо живого человека. Приложив ухо к маминой груди, Лера расслышала ее дыхание, почувствовала тоненькую ниточку пульса на запястье. Но эта неподвижность, это страшное оцепенение черт...

Ей вдруг показалось, что помочь уже невозможно – ни уколом, ничем! Конечно, она все равно протирала спиртом кожу, надламывала ампулу, и руки у нее в этот момент не дрожали – но ужас происходящего казался ей безысходным.

Наверное, и Аленка чувствовала то же самое. Она так и не решилась войти в бабушкину комнату, стояла на пороге.

– Мама, ты уже сделала укол? – с надеждой спросила она оттуда. – Бабушка уже сейчас будет разговаривать?

– Конечно, Аленочка, конечно, – не оборачиваясь, с трудом сдерживая слезы, ответила Лера. – Сейчас, еще пару минут – и все будет хорошо...

Аленка умела открывать замок и сама побежала к двери, когда раздался звонок врачей. Лера помогала укладывать Надежду Сергеевну, и Аленка тоже подхватывала бабушкину неподвижную руку, которая то и дело соскальзывала с носилок.

– Лапочка моя, может, ты одна побудешь? – с отчаянием в голосе спросила Лера. – Мне надо с бабушкой поехать...

– Не-ет! – закричала Аленка так пронзительно, что пожилой усатый врач испуганно вздрогнул. – Я не останусь одна, я бою-усь!

– Оставайтесь с ребенком, – распорядился врач. – Ну подумайте сами, что вы там будете делать? Ей сейчас нужна будет интенсивная терапия, вас все равно к ней не пустят. Мы ее в хорошую больницу повезем – знаете, на Красной Пресне? Там отличная кардиология, у нас все туда просятся.

Он говорил уверенным, успокаивающим тоном, но Лера уже успела привыкнуть к успокаивающему тону врачей и знала, что за ним может скрываться все что угодно.

Держа Аленку за руку, она проводила носилки вниз, постояла у подъезда, глядя, как отъезжает «Скорая». В сентябре светало еще не поздно, почти по-летнему, и небо уже наливалось утренней синевой.

Лера смотрела вслед уезжающей машине, сердце у нее билось отчаянно, и так же быстро, тревожно бился в ней ребенок.

В семь часов Лера позвонила Вале, попросив, чтобы та приехала как можно скорее.

Круглолицей, улыбчивой Вале было лет тридцать пять. Она помогала Надежде Сергеевне по хозяйству, и Лера всегда с удовольствием замечала, что Валя расторопна, весела и доброжелательна.

Иногда она вспоминала бестолковую домработницу Зою, у которой Роза Юсупова совершенно спокойно увела Аленку во время организованного Стасом похищения, – и радовалась, видя Валину сообразительность и надежность.

Валя приехала через час после ее звонка.

– Надо же, какое горе! – искренне посочувствовала она, глядя на бледную, с темными кругами под глазами Леру. – И тебе как не вовремя, Лерочка!

– Да разве это бывает вовремя? – невесело усмехнулась Лера.

– Ясное дело, не бывает, – согласилась Валя. – А все ж таки... Тебе бы полежать лучше, а? – осторожно добавила она.

– Что сейчас об этом говорить, – махнула рукой Лера. – Ты за Аленкой, главное, присматривай.

– Да это ты не волнуйся! – уверила Валя. – Мы с ней сейчас за рыбкой сходим на Палашевку, потом за мяском съездим на Ленинградский рынок...

Конечно, это был не самый лучший маршрут для ребенка, но сейчас Лере было не до этого. Она думала только о том, что происходит там, в совершенно ей неизвестной больнице...

В половине девятого, с трудом добившись, чтобы ее пустили в неприемное время, она вошла наконец в кардиологическое отделение. Но к маме ее пускать не хотели, и пришлось сразу идти к заведующему отделением и ждать, пока он закончит обход.

– Что я могу вам сказать? – произнес заведующий, когда Лера наконец оказалась в его кабинете. – Не буду вас обманывать, положение у вашей матушки не самое обнадеживающее.

– Что можно сделать, Иосиф Яковлевич? – спросила Лера; она уже узнала его имя и даже расспросила о нем словоохотливую старушку-больную. – Скажите мне, что нужно? Лекарства, приборы какие-нибудь? Может быть, ее в специальные условия надо поместить?

– Какие в этом деле могут быть специальные условия? – усмехнулся Иосиф Яковлевич. – Милая вы моя, думаете, все можно купить за деньги? Уверяю вас, благоуханный сортир и цветной телевизор ничем вашей маме не помогут.

– Нет, я не думаю... – Лера покраснела от собственной невольной неловкости. – Извините...

– Если понадобятся какие-нибудь особенные лекарства, я вам тут же сообщу, – знакомо-успокаивающим тоном произнес заведующий. – Но вообще-то... Вы ведь знаете, сколько лет у нее энцефалопатия, а теперь еще гипертония, да сердце, да возраст... Хотелось бы надеяться на благоприятный исход!..

– Можно к ней зайти? – тихо спросила Лера.

– Можно, – пожал плечами врач. – Но она едва ли вас узнает.

Лера вошла в палату, села на стул у кровати. Работал какой-то прибор, прозрачная трубочка от капельницы вела к руке Надежды Сергеевны. Но Лера видела не прибор и не трубочку, а все то же – застывшее, оцепенелое, не изменившееся с ночи – мамино лицо.

Она редко впадала в отчаяние – понимала, что отчаяние только мешает найти единственно правильный выход из любой ситуации. Но то, что происходило с ней сейчас, было именно отчаянием, и Лера не находила в себе сил ни на какое другое чувство и действие.

Это было как раз то самое, о чем говорил врач... Нет, Лера, конечно, не думала, будто все в жизни можно купить за деньги. Она вообще не слишком верила в могучую силу денег, которая для большинства ее коллег-бизнесменов была бесспорной.

Но и не много было в ее жизни ситуаций, изменить которые было бы не в ее силах, не в ее власти. Одна была когда-то – с Аленкой, – и Лера не выдержала тогда, попыталась не жить...

И вот теперь ничего не зависело от нее, всей ее жизненной силы, всей ее души было мало, чтобы вдохнуть жизнь в неподвижные мамины черты. И Лера

вглядывалась в них, задыхаясь от отчаяния и от собственной беспомощности.

Она не помнила, сколько просидела так, не двигаясь. Из оцепенения ее вывел голос медсестры, вошедшей в палату.

– Вы пошли бы отдохнули, – сочувственно произнесла сестра. – Я понимаю, каково вам, у меня у самой дочка как вы... А все-таки – ну что сидеть, сердце себе надрывать? Ей ведь сейчас все равно. Телефончик ваш оставьте, мы позвоним, если что. Поезжайте, деточка, домой, а утречком завтра опять придете.

То ли голос медсестры был таким убедительным, то ли усталость сломила, – но Лера послушно встала и, с усилием заставив себя отпустить мамину руку, вышла из палаты.

Она шла по коридору, и собственные плечи казались ей тяжелыми, как будто она несла ведра с неподъемной, свинцовой водой.

Лера понимала, что ни в чем, наверное, не виновата, но чувство вины не отпускало ее. Она так мало думала о маме! Не то что мало заботилась – пожалуй, делала для нее все, что могла, чего никто не смог бы для нее сделать, – но вот именно мало думала.

Душа ее была заполнена Митей, всеми едва уловимыми переливами жизни, день ее был заполнен работой – а мама жила себе и жила, и Лера только чувствовала краем сознания спокойный и тихий отсвет ее жизни. И что значили по сравнению с этим внутренним невниманием дорогие лекарства, и комфортный отдых, и американские витамины!..

И вот его не было, этого света, которого она прежде почти не замечала, – и Лера почувствовала, что темная яма зияет у нее внутри.

– Дмитрий Сергеич звонил, – встретила ее Валя. – Я ему сказала...

– Зачем, Валюша? – устало спросила Лера. – Правда, я тебя не предупредила... У него концерты, ему все равно приехать нельзя, к чему зря его беспокоить?

– Да он все равно в больницу позвонил, где ты лежала, – объяснила Валя. – Там ему и рассказали.

Больница, палата... Безнадежная череда этих унылых атрибутов так прочно вошла в последнее время в Лерину жизнь, что все это уже казалось привычным. Правда, сейчас она чувствовала себя так, как будто и не было месяца сплошного лежания: снова все болело, тянуло и кружилось. И мальчик то испуганно бился в ней, то, наоборот, совершенно затихал.

– Валя, ты побудь пока, хорошо? – заплетающимся языком сказала Лера. – Я прилягу, я что-то устала...

Когда Митя позвонил снова, язык у нее все еще едва шевелился. Впервые в жизни Лера услышала в его голосе оправдывающиеся нотки.

– Лера, милая, я не могу приехать, – говорил Митя. – Если бы еще хотя бы три дня... Но сейчас – совершенно невозможно!

– Да и не надо, Митя, правда не надо, – тусклым голосом произнесла она. – Она все равно без сознания, зачем тебе приезжать?

Она хотела его успокоить, но голос ее не слушался.

– Прошу тебя, будь осторожнее. – Его голос дрогнул. – Ты не очень хорошо себя чувствуешь?

– Не очень, – подтвердила Лера. – Но знаешь, Мить, мальчик уже шевелится...

Он замолчал. Лера слышала в трубке его далекое дыхание.

– Я скоро приеду, – сказал наконец Митя. – Ты любимая моя, я скоро приеду.

Несмотря на усталость, Лера не могла уснуть всю ночь. Она думала о маме, и воспоминания детства чередой проплывали перед ней – такие ясные, как будто они не были отделены годами.

Всегда, с самого детства, мама казалась ей робкой, нуждающейся в защите – да, пожалуй, так оно и было. Надежда Сергеевна всегда и во всем слушалась свою Лерочку, даже когда дочке было пять лет. И вместе с тем она всегда умела создавать тот незримый и надежный покров, который защищал Леру, – покров уюта, домашнего тепла и ясных, простых чувств.

Лера представила, что теперь этого покрова может не быть, – и содрогнулась.

Когда-то – она тогда только что познакомилась с Костей – ей казалось странным, что мама не вышла замуж, расставшись с отцом. Ведь он ушел, когда Лере было всего два года, а Надежда Сергеевна всегда казалась ей красивой – почему же? Лера даже не помнила, чтобы в их доме появлялись какие-нибудь кавалеры, чтобы маме звонили незнакомые мужчины – то есть не помнила ничего такого, что было бы совершенно естественно для одинокой привлекательной женщины, какой была ее мать.

Она однажды даже спросила ее об этом. Надежда Сергеевна улыбнулась той слегка смущенной улыбкой, которая проясняла ее лицо, делала отчетливым его самое главное выражение.

– Я и сама не знаю, Лерочка, – ответила она. – Мне как-то не хотелось, вот и не вышла. Зачем себя понуждать? Мне и Кира говорила, что, мол, надо, да и сама я иногда думала: надо бы хорошего мужчину в дом, тебе было бы легче, ты же у меня с детства обо всем заботилась... Но все равно, как посмотрю на них, даже на самых приличных, – и не могу. Все мне казалось: вот вломится сейчас в нашу с тобой жизнь, все в ней нарушит, все на свой лад переделает. Разве тебе этого хотелось бы?

– Да мне-то, конечно, не хотелось бы, – улыбнулась Лера. – Но разве дело во мне? Ты же все-таки не старая была, и всегда одна.

– Ну и что? – пожала плечами мама. – Я же не слишком темпераментная, Лерочка, ты совсем не в меня – в отца...

– А почему ты с ним разошлась все-таки? – пользуясь случаем, спросила Лера. – Он нашел другую?

– Да никого он не нашел, – махнула рукой Надежда Сергеевна. – То есть, может быть, потом и нашел, он мужчина ох какой был видный. Я же говорю – ты в него внешностью пошла, и походкой тоже. Но ушел он не поэтому. Я и сама не знаю, почему... Он странный был человек, Лера! Нет, не то чтобы психически какой-нибудь не такой, а просто никогда нельзя было понять, чего он хочет, что ему вообще в жизни надо. Для меня семья, дом – это же было самое святое, ради этого всем можно было пожертвовать. А для него совсем по-другому. Все его куда-то тянуло, все ему хотелось что-то новое попробовать, а мы с тобой только мешали – вот он и ушел.

Мамин голос неожиданно стал суровым, и Лера посмотрела на нее удивленно.

– Ты так его за это и не простила? – осторожно спросила она.

– Не простила, – подтвердила Надежда Сергеевна. – Как я могла его простить? Какие такие могут быть в жизни радости, чтобы ни разу не приехать, даже дочкой своей не поинтересоваться ни разу? Я для него была – так, эпизод, да и ты тоже. Нет, такое простить нельзя. Да он и не просил никакого прощения. Даже деньги только по исполнительному листу приходили, строчки единой не написал!

Лера знала, что последние алименты пришли от отца с Уренгоя и действительно прекратились, как только ей исполнилось восемнадцать, день в день.

И вот теперь, лежа без сна и прислушиваясь к сжимающим, похожим на боль точкам внизу живота, Лера думала о том, как прошла жизнь ее матери – в вечном противоборстве разрушительным силам жизни, в вечном создании той незримой защиты, без которой она, Лера, выросла бы совсем другою.

Она уснула только под утро, в том состоянии тоски и тревоги, которое началось с Аленкиного ночного звонка.

Звонок и разбудил Леру всего через два часа.

– Валерия Викторовна? – услышала она в трубке мужской голос. – Из кардиологии беспокоят. Приезжайте, пожалуйста, поскорее.

– Что с мамой? – холодея, спросила Лера. – Ей хуже?

– Приезжайте, приезжайте, – повторил голос. – Извините, я на обход должен идти.

Хорошо, что Валя осталась на ночь. Мгновенно и бесшумно одевшись, чтобы не разбудить Аленку, Лера открыла дверь и быстро начала спускаться по лестнице. Но между третьим и вторым этажом ей пришлось остановиться: словно короткие электрические разряды пробежали по ее ногам, начинаясь где-то в животе. На мгновение она испугалась, но размышлять об этом было некогда, и, дождавшись, когда странные разряды прекратятся, Лера спустилась во двор.

Она боялась, что это повторится, когда она сядет за руль. Но, к счастью, ноги слушались ее и утренние пробки еще не начались; Лера доехала до Пресни быстро.

В коридоре пахло хлоркой от вымытого линолеума, безрадостной казенной кашей и лекарствами. Но Лера не чувствовала запахов и не слышала утреннего больничного шума, когда бежала к последней палате, где лежала мама...

Едва она вошла в этот коридор, все ей стало понятно.

Гудящий прибор был уже выключен, и трубочка от капельницы не тянулась к маминой руке – а лицо у нее было такое же, как вчера: та же мертвенная отчетливость была в ее чертах, которую Лера почувствовала, когда мама была еще жива.

– Ничего нельзя было сделать, Валерия Викторовна, – сказал заведующим, стоя рядом с неподвижной Лерой. – Вероятно, я должен был сразу вам об этом сказать, все уже, собственно, и вчера было понятно. Что ж, прощайтесь... Потом надо будет ее отсюда перенести. Вы сами будете всем заниматься или придет кто-нибудь?

– Я сама, – едва слышно произнесла Лера. – Никто не придет.

– Примите мои соболезнования, – сказал врач и вышел из палаты.

Он сказал: прощайтесь, но Лера не знала, как это делать. Она вообще не думала сейчас о том, чтобы делать что-то положенное, правильное. Вся она замерла и онемела, и только ребенок бился и вздрагивал, и боль от его дрожи медленно растекалась по всему ее телу.

Она не сразу почувствовала эту боль, вглядываясь в неподвижное мамино лицо. А когда почувствовала, боль была уже невыносимой, взрывала ее изнутри, красными кругами стояла в глазах.

Лера вскрикнула, переломилась пополам и села на пол, прижимая руки к животу.

– Что с вами? – Та самая пожилая медсестра, которая вчера отправила ее домой, вбежала в палату – наверное, услышав ее вскрик. – Вам плохо?

Лера чувствовала, что начинает задыхаться. Она едва кивнула, схватившись за руку медсестры.

– С сердцем плохо? Вот ведь, все напасти на вас разом!

– Не с сердцем, – пробормотала Лера. – Беременность...

– Ах ты господи! – воскликнула медсестра. – И надо же такое!.. Ну ничего, деточка, потерпите, это ж больница, сейчас на другой этаж вас перенесем, сейчас!..

Но Лера уже не могла ни терпеть, ни ждать. Красные круги слились в ее глазах в сплошное пятно, боль зазвенела в ушах так пронзительно, что заглушила все остальные звуки, – и она почувствовала, что падает, проваливается в эту бесконечную боль.

Глава 9

Лера открыла глаза и увидела над собою белый больничный потолок. Она сразу поняла, что больничный, хотя ведь все потолки белые...

Она совершенно не помнила, что с нею происходило недавно, но зато помнила, что было перед тем, как ей стало плохо в маминной палате. Только вот не знала, недавно это было или давно: ощущение времени у нее совершенно сдвинулось.

Но ощущения собственного тела медленно возвращались к ней, и главное среди них было – тягучая, как движения пилы, боль. И сквозь эту боль, сквозь странный угарный шум в голове Лера чувствовала пустоту, которой была охвачена изнутри, – пустоту и молчание.

Ребенок не двигался и не бился, этого невозможно было не почувствовать.

Перед глазами у нее стоял туман, она ощущала какой-то дурманный, сладковатый запах и не могла понять, что же произошло. Ребенка не было в ней – значит, он родился?

– Кто у меня родился? – произнесла она вслух, хотя рядом с ее кроватью никого не было. – Мальчик?

– Мальчик, мальчик, – услышала она молодой женский голос. – Будет у тебя еще и мальчик, и девочка, все у тебя будет!

– Что значит – будет? – заплетающимся языком спросила Лера. – Кто сейчас у меня родился?

Сквозь пелену перед глазами она увидела молодую стройную женщину в белой высокой шапочке, стоящую теперь рядом с ее кроватью. Лера почти не различала ее лица, только ярко накрашенные губы.

– Сейчас – никто, – спокойно ответила медсестра, наклоняясь над Лерой; шприц блеснул в ее руке. – Скажи спасибо, что сама жива осталась! Случись на улице...

– Что со мной сделали? – Лерины губы по-прежнему двигались медленно, онемело.

– Да ничего с тобой никто не сделал, – усмехнулась медсестра. – Операцию тебе сделали, да вовремя, а то бы ты сейчас не разговаривала. Ладно, ты отходи пока от наркоза-то. Зови, если что.

Наркоз проходил медленно, и так же медленно усиливалась боль, но Лера не обращала на нее внимания. Спокойный голос стройной медсестры звучал в ее ушах как жуткий приговор.

Она была одна в этой палате, но из-за двери доносились голоса, обычный больничный шум, к которому Лера уже успела привыкнуть. И чувствовала, что это становится всеобъемлющим: этот шум, белый потолок, запах лекарств – и отчаяние.

Вскоре Лера уснула – наверное, действие наркоза еще продолжалось, или укол был какой-то сонный. А когда проснулась, в палате было темно. Туман перед глазами развеялся, превратившись в обычную головную боль и тошноту, и сознание стало ясным.

Но это и было самой большой мукой!

Теперь Лера помнила и осознавала все совершенно отчетливо: смерть матери, потерю ребенка – безысходность всего, что произошло. И если мамина смерть была мучительна, тяжела, то неожиданное завершение беременности – это было совсем другое...

Это была не вообще какая-то беременность – некое состояние здоровья, которое врачи наблюдают, подсчитывая недели и месяцы. В этом была ее душа, этим она была связана с Митей, – и Лере казалось, что она не сможет пережить этот обрыв, оставляющий ее в полной пустоте.

Она хотела этого мальчика так же самозабвенно, как любила Митю, – и не суждено было... А ей казалось, что теперь жизнь наконец-то стала простой и ясной, что больше не будет тех мучительных разочарований, которых она с избытком хлебнула в одиночестве!

Сейчас, в темноте больничной палаты, чувствуя в себе только пустоту и боль, Лера поняла: слишком многое сильнее ее. Смерть – сильнее, разрушение – сильнее, и тяжести жизни ей по-прежнему не одолеть.

Мити не было с нею, и не могло его быть в том невыносимом одиночестве, в которое она все равно вернулась. Никто не мог ей помочь, и он не мог...

Она застонала и закрыла глаза, совершенно раздавленная и уничтоженная этой непосильной тяжестью.

Больница, в которой она так неожиданно оказалась, была самая обыкновенная, но теперь это было Лере все равно. Раньше, когда она думала о мальчике, имело смысл прислушиваться к советам, перестраховываться, выбирать условия получше.

А сейчас – зачем? Какая разница, сколько человек в палате, далеко ли туалет и что дают на обед? Все равно у нее не было аппетита, и она с одинаковым равнодушием смотрела и на серые больничные котлеты, и на румяные отбивные, которые приносили ей в передачах Валя, Зоська, тетя Кира.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/berseneva_anna/revnivaya-pechal

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)